

Kudriantsev, V. F.

СТАРИНА,

ПАМЯТНИКИ, ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

ПРИКАМСКАГО КРАЯ.

—*—
Р Ч Е Р К Ъ .

Составленъ В. Ф. Кудрявцевымъ.

—*—
(Перепечатано изъ календаря Вятской губерніи на 1897 годъ).

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1897.

20.97.3.107/1

2000

DK 511
K 17K 84
V. 1

Печатано съ разрѣшенія Господина Вятскаго Губернатора.

(111)

Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края.

(ОЧЕРКЪ).

Славяне и чудь по нашимъ, оарматы и скифы по вѣнскимъ писателямъ, были древнѣе обитатели Россіи.

Ломоносовъ.

I.

Ченовый край.—Аборигены прикамскаго края.—Первыя попытки русскихъ овладѣнію частями этого края.—Область начальныхъ завоеваній.—Выгоды, оставленныя русскимъ поколѣніемъ двухъ царствъ.—Селитба русскихъ въ новозавоеванномъ краѣ.—Протесты инородцевъ; рабобичество.—Сохранившіяся имена бунтующихъ вождей.—Пугачевщина.—Умиротвореніе края.—Обрусеніе нѣкоторыхъ инородцевъ.—Осѣвшіе безпокойные инородцы.

Край Россіи, лежащій въ области Камы и ея двухъ главныхъ притоковъ, Вятки и Бѣлой, далеко уже не новый; время присоединенія его къ Россіи надо исчислять уже вѣками.

Коренными жителями прикамскаго края нужно считать чудь или то финское племя, изъ котораго потомъ образовались отдѣльныя народности, извѣстныя подъ именемъ ирянъ (древняя пещора), пермяковъ (біармійцы), вотяковъ, еремисъ, башкиръ и проч. Поселившіеся на Камѣ булгавы, а за ними татары и русскіе, были уже пришлые народы.

Попытки къ овладѣнію нѣкоторыми частями этого края ерховьями Вятки и Камы) были дѣлаемы русскими съ давнихъ поръ. Первыми русскими поселенцами въ этотъ краѣ или выходцы изъ Новгорода. Если вѣрить вятской лѣтописи, они утвердили свое владычество по р. Вяткѣ еще въ концѣ XII столѣтія. Есть также извѣстіе, что Новгородъ согралъ дань съ пермяковъ еще въ XI в. Зависимость Пермской земли отъ Новгорода болѣе или менѣе упрочена была въ XIII в. Хотя въ это время Пермская земля управлялась собственными туземными князьями, но изъ новгородскихъ

договоровъ 1269 года видно, что эта земля считалась уже въ числѣ новгородскихъ волостей. Москва отбила у Новгорода это владѣчество. Въ 1472 году два московскіе воеводы, Ѳеодоръ Пестрый и Гаврило Нелидовъ, покоривъ Пермь, присоединили ее къ владѣніямъ Москвы, оставивъ въ ней, однако, мѣстное управленіе. Съ 1505 г. тамъ, вмѣсто присяжныхъ туземныхъ князей, появляются уже московскіе наместники.

Несомнѣнно, что первая русская колонизація прикамскихъ областей шла съ сѣвера, по Сѣверной Двинѣ и ея притокамъ. Гораздо болѣе значительный успѣхъ имѣла эта колонизація, когда русскіе стали проникать въ прикамскій край одновременно съ двухъ концовъ, сѣвера и юга, т. е. съ устьевъ Камы. А это случилось тотчасъ же послѣ покоренія Казанскаго царства.

Хотя послѣ того, какъ пала Казань, край на всемъ протяженіи Камы очутился въ рукахъ русскихъ, однако фактическое поселеніе русскихъ въ немъ совершилось нѣсколько позднѣе. Расселившіеся здѣсь народы угро-финскаго и тюрско-татарскаго племени не изъявляли желанія признавать надъ собою владѣчества московскаго царя. Не извѣдавъ на себѣ силы Москвы, они были готовы бороться съ нею за свою независимость. Возможность отстоять независимость поддерживалась въ нихъ упованіемъ на отдаленность мѣста и главное тѣмъ, что Москва, точно опасаясь за исходъ борьбы, оставляла ихъ до времени въ покоѣ и даже не слала данью.

Побѣдители Казанскаго царства дѣйствительно не стремились ни заселеніемъ прикамскаго края, ни его подчиненіемъ. Для нихъ открылись привольныя пространства Волгѣ. Во всю вторую половину XVI столѣтія точно съ ба дождемъ посыпались русскимъ несмѣтныя богатства пространства. Города, веси, области шли въ руки русскихъ въ такомъ изобиліи, что русскіе потеряли счетъ своему громадному богатству, доставшемуся, послѣ покоренія Казани, безъ большихъ сравнительно усилій съ ихъ стороны. П

азань, смирились черемисы и чувашаи, пала и Астрахань, Ёжани и ногаи. Отъ самыхъ истоковъ до устья Волга сдѣ-
алась уже русскою рѣкою. Нужно было очистить пути этой
рѣки, а для этого требовалось заселить поволжскій край,
одворить въ немъ порядокъ и спокойствіе среди враждеб-
ныхъ народностей прежнихъ двухъ царствъ—Казанскаго и
Астраханскаго. Гдѣ было тогда думать еще о прикамскомъ
краѣ?

Вотъ почему этотъ край, за исключеніемъ нѣкоторыхъ
пунктовъ, не былъ заселяемъ и оставленъ въ покоѣ. Рѣка
Кама служила только проѣзднымъ путемъ для войскъ, иду-
щихъ въ Пермь, а потомъ въ Башкирію и Сибирь. Мало-
по малу русскій народъ разобрался въ своихъ богатствахъ,
остранилъ представляемыя на пути препятствія къ владѣ-
нію ими, сумѣлъ отдать отчетъ въ полученномъ наслѣдіи и
захотѣлъ извлечь выгоду изъ счастливо сложившихся для
него обстоятельствъ. Очередь дошла и до прикамскаго края.

Слухи о изобиліи и удобствахъ мѣстъ этого края ус-
пѣли уже облетѣть Россію, и вотъ толпы русскихъ поселен-
цевъ потянулись сюда и стали выбирать мѣста получше да
попривольнѣе, а жилища свои стали ставить, для безопас-
ности, ближе къ рѣкѣ. Туземцы, зная уже силу Москвы, не
смѣли препятствовать этой селитьбѣ. Мало-по-малу возник-
ли здѣсь, подъ прикрытіемъ городовъ, болѣе или менѣе
укрѣпленныхъ, починки, селенія и слободы. Иностранцы, усту-
пая свои насиженные мѣста, удалялись, наоборотъ, отъ бли-
зости рѣки и уходили въ глубь материка, селясь около лѣ-
совъ. Это мы видимъ изъ того, что по побережью Камы почти
совсѣмъ не находится инородческихъ селеній. Только нѣко-
торые изъ инородцевъ, болѣе устойчивые и менѣе способ-
ные къ ассимиляціи, не страшились жить въ близкомъ со-
сѣдствѣ съ русскими; нѣкоторые изъ нихъ стали жить даже
и въ самыхъ русскихъ городахъ. Къ такимъ инородцамъ
принадлежали омагометанившіеся уже инородцы: татары, баш-
киры, тептери и другіе.

Не легко было, разумѣется, подчинить разношерстную

массу инородцевъ московскому режиму. Какихъ либо кроткихъ мѣръ и заботливости въ отношеніи инородцевъ не прилагали. Вѣрнѣе всего, что они прежде не свободны были отъ произвола и притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей. Глухой протестъ инородцевъ нерѣдко вырывался наружу въ видѣ отместки. При всякомъ удобномъ случаѣ инородцы гордо поднимали голову, и какъ только появлялся между ними смѣлый вождь, они жестоко мстили русскимъ, нападая на ихъ поселенія и страшно опустошая ихъ. Таковую же роль исполняли по временамъ и шайки разбойниковъ. Появленіе ихъ служило, съ одной стороны, какъ бы живымъ протестомъ противъ существовавшего управленія и власти; съ другой—объясняется желаніемъ нѣкоторыхъ лицъ искать себѣ такой вольности, которая была бы въ своихъ дѣйствіяхъ ничѣмъ не обуздана.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ прикамскій край долгое время служилъ ареною бунтующихъ инородцевъ и разбойниковъ. Почти каждое старинное русское селеніе хранить преданіе о неистовствахъ разнаго рода грабителей. Въ одномъ мѣстѣ вы слышите о Балканкѣ, Хамиткѣ, въ другомъ называются имена Салавата, Алдаръ-Бея, Акая и другихъ. Мѣстомъ, откуда появились эти воры-грабители, была Башкирія, расположенная по р. Бѣлой и ея притокамъ. Имена русскихъ разбойниковъ не сохранились въ памяти народа, но притоны разбойничьихъ шаекъ иногда указываются. Только такія крупныя личности, какъ Пугачевъ, называемый здѣсь Пугачомъ, и его сподвижники, вроде Власева, овладѣвшаго г. Сарапуломъ, удерживаются въ народной памяти. Этотъ Пугачъ надалѣ большого страха прикамскимъ жителямъ. Бѣглымъ маршемъ пройдя Башкирію, онъ у города Осы переправился черезъ Каму и отсюда гибельною волною прошелъ чрезъ весь почти край до самой Казани. И Волжскій, и Камскій края одинаково были взволнованы его мятежомъ. Успокоились отчасти только тогда, когда этотъ злодѣй былъ пойманъ и казненъ. Но разборка причинахъ вспыхнувшего на сѣверо-востокѣ мятежа, къ

которому многіе изъ жителей поволжья и прикамья были прикосновенны иногда и поневолѣ, была затруднительна и тягостна ¹⁾ для этихъ жителей. Изреченное, въ концѣ 1775 года, императрицей Екатериной II милостивое слово амнистіи лучше всякихъ карательныхъ мѣръ подѣйствовало для полного умиротворенія края.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камскаго побережья, въ числѣ мѣстныхъ, разбойниковъ называютъ и Стеньку Разина, который однако не разбойничалъ по Камѣ, а былъ только грозою Волги. Но въ глазахъ народа, естественно, всѣ неясныя и далекія преданія о разбойникахъ привязывать къ тѣмъ немногимъ именамъ, которыя почему-либо запечатлѣлись въ его памяти. Вѣроятно, въ эпоху разиновщины умы народа были взволнованы и въ прикамскомъ краѣ.

Въ настоящее время край этотъ вполне спокоенъ. Пароходство окончательно уничтожило разбои. Большая часть инородцевъ, какъ-то: пермяки, вотяки, черемиса, бесермяне и часть даже татаръ (новокрещены) обрусѣла. Несомнѣнно, такому благому результату отношеній содѣйствовалъ много уживчивый и общительный характеръ русскаго народа. Изъ числа инородцевъ болѣе заботъ русскому правительству представляли малосклонные къ осѣдлости и уживчивости башкиры. Время, однако, угомонило мятежный духъ этихъ жителей лѣсовъ и степей. Теперь и башкиры сдѣлались мир-

¹⁾ Тягостна потому, что жители, позабывъ недавнее горестное испытаніе, начали клеветать и оговаривать другъ друга въ извѣнчѣ, а учрежденная въ Казани коммиссія придавала большую вѣру всякому оговору. Можно думать, что эта коммиссія дѣйствовала далеко не беспристрастно. Такъ, извѣстно, что предсѣдатель оной, камеръ-юнкеръ Потемкинъ, изъ-за личностей, обвинилъ, по одному оговору, Казанскаго архіепископа Веніамина Григоровича въ тайныхъ сношеніяхъ съ Пугачевымъ. Потемкинъ вызвалъ архіерея въ коммиссію и здѣсь арестовалъ его, лишивъ преосвященнаго всякихъ способовъ къ оправданію. Императрица Екатерина II, узнавъ о семъ арестѣ, вытребовала все дѣло въ Москву и сама опросила лично оговорщика, «бездѣльника» Аристова. Последний сознался въ клеветѣ на архіерея, равно и въ томъ, что былъ къ этому подученъ. Императрица тотчасъ же къ невинному преосвященному отправила письмо и пожаловала его саномъ митрополита Казанскаго. Въ этомъ санѣ Веніаминъ, добродѣтельный и преданный религіи человекъ, оставался до самой своей смерти.

ными поселянами, главнымъ занятіемъ которыхъ служатъ земледѣліе и пчеловодство.

Въ своемъ очеркѣ, помимо краткихъ историческихъ свѣдѣній о той или другой мѣстности края, я буду сообщать всякаго рода преданія и легенды, равно останавливаться на памятникахъ глубокой старины (городищахъ, могильникахъ) по скольку все это извѣстно мнѣ самому, какъ уроженцу прикамскаго края.

II.

Многоводный притокъ Волги.—Соперничество Камы съ Волгою.—Народное сказаніе объ этомъ.—Древнее названіе Камы.—Отъ какого народа Кама получила свое названіе.—Туземные народы, титулюющіе себя именемъ Камы.—Старинное названіе притока Камы, Вятки.—Серебряные булгары.—Нукратцы.—Вятка—двѣ различныя рѣки.

На шестьдесятъ верстъ ниже Казани впадаетъ въ Волгу р. Кама. При взглядѣ на нее можно убѣдиться, что этотъ многоводный притокъ смѣло можетъ спорить съ Волгою первенствѣ. Для человѣка, незнакомаго съ названіями обѣихъ рѣкъ, Кама, по своей ширинѣ и видимой глубинѣ темносинихъ водъ своихъ, легко можетъ показаться главной рѣкою, а не притокомъ Волги. Напоръ ея водъ настолько силенъ, что сразу сбиваетъ Волгу съ крѣпкой позиціи. Давно сихъ поръ Волга держалась юговосточнаго направленія, теперь, отброшенная Камой, она круто поворачиваетъ къ юго-западу. Стихійная борьба этихъ двухъ великановъ рѣкъ оканчивается, однако, побѣдой Волги надъ Камой. Какъ извѣстно, широкая полоса Камы долго сохраняетъ въ Волгѣ свой собственный цвѣтъ и только верстъ за двѣсти начинаетъ мало-по-малу терять его. Такимъ образомъ мутно-желтая Волга, въ концѣ концовъ, все-таки поглощаетъ себѣ индивидуальность Камы.

По народному сказанію, Кама не безъ борьбы уступила свою самостоятельность, слившись съ ея водами. Народное сказаніе объ этомъ таково: «Кама съ Волгой спорила, не хотѣла въ нее течь. Сначала хотѣла воду ея отбить,

половины отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрость. Уговорила ее съ коршуномъ: «Ты, коршунъ, крикни, когда я на той сторонѣ буду, чтобы я слышала, а я подѣ Волгу подроюсь и выйду въ другомъ мѣстѣ». — «Ладно», — отвѣчаетъ коршунъ. Вотъ Кама и начала рыться подѣ Волгу. Рылась, рылась, а тѣмъ временемъ коршуна беркутъ запримѣтилъ и погнался за нимъ. Тотъ испугался и закрычалъ какъ разъ надѣ серединой Волги. «Кама», услыша этотъ крикъ, думала, что она на томъ уже берегу, выскочила изъ подѣ земли и прямо въ Волгу угодила¹⁾.

Несомнѣнно, что обѣ рѣки были прежде многоводнѣе и величественнѣе. Волга отощала водою сравнительно съ Камой, почти не имѣющей мелей до впаденія въ нее Бѣлой, потому, быть можетъ, что по бассейну ея значительно больше вырублены лѣса, чѣмъ по бассейну ея притока. Древніе хозары, болгары и за ними татары и не думали считать Каму притокомъ: для нихъ Кама-Волга была одна рѣка, которую они называли Итиль или Идель.

Нынѣшнее свое названіе Кама получила отъ народа финскаго племени: на языкѣ вотяковъ «Камъ» значить долгая. Чтобы дать болѣе полное представленіе объ этой рѣкѣ, вотяки прибавляютъ слово «буджимъ». «Буджимъ-Камъ» значить большая и долгая рѣка²⁾. Жившіе первоначально по Камѣ пермяки и зыряне, принадлежащіе къ одной фамиліи, прозываютъ себя и сейчасъ по имени Камы—Кама-Мортъ и Кама-Ясъ³⁾.

Русскіе, усвоившіе отъ вотяковъ названіе Камы, не хотѣли удержать ихъ мѣстное названіе для притока ея—Вятки. Вотяки зовутъ Вятку Нукратъ, или Серебряная рѣка, а русскіе дали ей названіе по имени вотяковъ, жившихъ по ней: вотская рѣка или Вятка. Впрочемъ, слово «Серебряные» удержалось, какъ видно изъ лѣтописей, за тѣми изъ болгаръ,

1) См. „Сказки и преданія Самарскаго края“, Д. Н. Садовникова.

2) На это названіе первый указалъ Г. Ф. Миллеръ, извѣстный исторіографъ, путешествовавшій по прикаспскому краю въ 1733 г.

3) См. „Сѣверо-русскія народоправства“, Н. Костомарова.

которые жили или владѣли нижнимъ теченіемъ Вятки. Эти Серебряные булгары, въ союзѣ съ Камскими и Волжскими, нерѣдко принимали участіе въ битвахъ противъ русскихъ¹⁾. Татаро-монголы называли русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ нукратцами. Это названіе они, вѣроятно, заимствовали отъ покоренныхъ ими булгаръ.

Вятка или, какъ думаютъ многіе, вотская рѣка, оказывается, однако, не одно и то же. Въ лѣтописяхъ вотяки въ первый разъ именуется отяками и потомъ стали прибавлять къ этому имени, въ видѣ придыханія, букву в, подобно тому, какъ многія древнерусскія слова сопровождаются этой же буквой въ началѣ: отчимъ, осмь, острый, оспа стали произноситься в-отчимъ, в-осемь, в-острый, в-оспа. Если Вятка получила свое названіе отъ отяка или вотяка, то съ какой же стати было измѣнять корневую букву о въ я? Такого произвольнаго перемѣщенія гласныхъ въ нашемъ языкѣ нигдѣ не встрѣчается. При томъ есть въ Вятской же губерніи другая рѣка, которая называется прямо уже Воткой. Эта рѣка составляетъ притокъ Сивы, впадающей въ Каму. По имени этой рѣки основанный близъ Камы заводъ и называется Камско-Воткинскимъ. Вѣрнѣе всего предположить, что названіе рѣки и области Вяткою произошло отъ вотскаго племени Вятка, которое, по преданію вотяковъ, жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии построенъ былъ городъ Хлыновъ²⁾.

¹⁾ Объ участіи Серебряныхъ булгаръ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками въ битвѣ съ русскими упоминается въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ 1183 г., когда вел. князь Всеволодъ III, въ отмщеніе за набѣгъ булгаръ на русскую землю, предпринялъ походъ противъ нихъ. Несмотря на то, что булгарь выступило противъ него 5 тысячъ, Всеволодъ одолѣлъ ихъ и заставилъ смириться.

²⁾ „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ“, изданіе Вятскаго Статистическаго Комитета.

III.

Первый русскій городъ на Камѣ.—Его значеніе для русской колонизаціи.—Преданіе о Нормандскомъ хищникѣ, поселившемся на Камѣ.—Городъ Чистополь; какъ онъ, по преданію, основанъ.—Село Жукотино.—Слѣды существованія Камскихъ бугарь.—Находки бугарскихъ вещей.—Предполагаемые бугарскіе города на Камѣ.—Небреженіе къ древностямъ.—Остатки бугарскаго кладбища.—Могила Хаджи-Ахрара.—Указъ Петра I.—Булгарскія эпитаѣи.

Русскую варницу Соль-Камскую (нынѣшній городъ Соликамскъ), основанную въ 1430 году, едва ли можно считать городомъ. Несомнѣнно, первымъ русскимъ городомъ на Камѣ былъ Лаишевъ, стоящій на нижнемъ теченіи Камы. Построенъ онъ былъ русскими въ 1557 г., какъ оплотъ противъ ногаевъ и другихъ туземцевъ. Во вновь устроенномъ городѣ были поставлены деревянные стѣны и башни. Охраненіе укрѣпленія поручено было стрѣльцамъ, привезеннымъ изъ Казани. Со времени покоренія оной, русскимъ и новокрещеннымъ татарамъ¹⁾ позволено было селиться на всемъ привольѣ Камскаго края и заниматься хлѣбопашествомъ. Но въ первые десять лѣтъ едва ли кто изъ русскихъ изъявлялъ желаніе селиться здѣсь, такъ какъ ногаи, черемиса и другіе туземцы не хотѣли признавать Московскаго владычества. Не только путь по Камѣ, но и по Волгѣ былъ первое время не безопасенъ²⁾. Для усмиренія камскихъ туземцевъ московскіе воеводы не разъ поднимались съ ратью съ устьевъ Камы вверхъ по ней и по р. Вяткѣ. Вновь основанный городъ Лаишевъ, подобно Васильсурску на Волгѣ, служилъ русскимъ опорой въ ихъ поступательномъ движеніи по Камѣ.

1) Какъ извѣстно, изъ числа татаръ первымъ, пожелавшимъ принять христіанство, былъ казанскій царь Едигеръ. При крещеніи онъ названъ былъ имеюномъ. Іоаннъ IV оказывалъ плѣнному казанскому царю явные знаки покровительства. Когда Едигеръ женился на дочери знатнаго сановника Кутубоглы, Маріи, то царь вмѣстѣ съ царицею были на его свадебномъ пирѣ. Кромѣ того, покоритель Казани, царь Іоаннъ IV, пожаловалъ Едигеру въ отчиву годъ Руву и даже позволилъ ему до кончины своей удерживать титулъ царя.

2) Вслѣдствіе волненій на Волгѣ и Камѣ принесенную изъ Хлынова въ Москву икону св. Николая Великорѣцкаго въ обратный путь несли не чрезъ Каму, а чрезъ Вологду и Устюгъ.

Городъ Лаишевъ съ пристани не виденъ. Его заслоняютъ высокія, утесистыя горы, которыя тянутся по правому берегу Камы. На этихъ горахъ, въ двухъ верстахъ отъ города, жилъ, по преданію, помѣщикъ-грабитель, который вель родъ свой, будто бы, отъ норманновъ. Подобно средневѣковымъ баронамъ и феодаламъ, онъ построилъ свой домъ на подобіе замка и обвелъ его каменными стѣнами. Изъ его замка шелъ подземный ходъ на р. Каму. Отсюда-то этотъ хищникъ дѣлалъ съ своими холопами нападеніе на проезжающихъ по Камѣ и грабилъ ихъ ¹⁾. Ни развалинъ его замка, ни подземнаго хода не сохранилось, да и самое преданіе существуетъ не у мѣстныхъ жителей, а въ Казани.

Слѣдующій за Лаишевымъ по теченію вверхъ по Камѣ—городъ Чистополь. Какъ по числу жителей (25/т.), такъ и по доходности, это второй, послѣ Перми, городъ на Камѣ, съ прелестною рощицею по берегу. Городъ этотъ никто уже не основывалъ; онъ возросъ самъ собою. Начало городу, по преданію, положили бѣглецы изъ Сибири и холопы, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ. Бѣглецы эти, будто бы, около половины прошлаго столѣтія были выселены подъ конвоемъ, и начавшееся поселеніе опустѣло. Съ этого-де времени оно и стало называться Чистымъ полемъ. Есть и другое преданіе: бывшее здѣсь селеніе раззорено непріятелями(?) и запустѣлое мѣсто получило отъ сосѣдей прозваніе Чистаго поля ²⁾. Послѣднее преданіе, по моему мнѣнію, больше имѣетъ вѣроятія: подъ непріателемъ можно разумѣть и разбойниковъ, иногда до тла опустошавшихъ селенія. Во всякомъ случаѣ, селеніе это ненадолго опустѣло, такъ какъ оно, при Екатеринѣ II, преобразовывается уже въ городъ, который и сталъ, благодаря выгодному географическому положенію быстро развиваться.

¹⁾ См. статью Ф. Д. Нефедова: «Этнографич. наблюденія по Волгѣ», напечатанную въ „Трудахъ Москов. Этнограф. Отдѣла“.

²⁾ См. статью А. Н. Сергѣева: „Опытъ объясненія названій русскихъ городовъ“, напеч. во 2 вып. „Нижегород. Сборника, посвященнаго памяти перваго русскаго Статистич. съѣзда 1870 г.“.

Неподалеку отъ Чистополя находится на берегу Камы село Никольское-Жукотино, основанное на мѣстѣ болгарскаго города Жукотина. Вообще въ Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ встрѣчаются кой-какіе слѣды существованія на сихъ мѣстахъ древнихъ болгаръ. На эти слѣды указываютъ названія урочищъ, признаки старыхъ селитьбищъ, городищъ съ развалинами каменныхъ стѣнъ, остатки кладбищъ и отдѣльныя могилы болгаръ. Къ числу признаковъ заселенія болгарами этихъ мѣстъ принадлежать также находки оружія, монетъ и вещей. Изъ найденныхъ вещей встрѣчаются слѣдующія: блюда, вѣсы изъ красной мѣди, желѣзные замки, серебряные перстни, зарукавья, браслеты, серьги, разноцвѣтныя бусы, пронизки, обломки зеркалъ, глиняные сосуды и проч.

По высказаннымъ въ разное время учеными предположеніямъ (вѣрнымъ или невѣрнымъ—не берусь судить), болгарскими городами въ Привамьѣ были слѣдующіе: Ошель, Жукотинъ, Керменчукъ, Брахимовъ, Изгаръ, Бюларъ, Табулга-Атай, Каманъ, Кызляръ, Кулай и нѣсколько болгарскихъ ауловъ съ неизвѣстными названіями ¹⁾. Ошель, Ошла или Ашль стоялъ на самомъ устьѣ Камы и загоразивалъ какъ бы путь въ нее. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ, по словамъ проф. Баженова, двумя рядами дубоваго тына и землянымъ валомъ. Изъ русскихъ лѣтописей извѣстно, что этотъ болгарскій городъ былъ сожженъ княземъ Святославомъ, братомъ великаго князя Юрія Всеволодовича. Жукотинъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго села Жукотина ²⁾. Этотъ городъ былъ

¹⁾ Разработку вопроса о древнихъ памятникахъ и городахъ болгаръ занимались гг. Пономаревъ, Лихачевъ и Шпилевскій. Послѣдній за свой трудъ, книгу, подъ заглавіемъ „Древніе города и другіе болгарско татарскіе памятники въ Казан. губ.“, удостоенъ отъ Академіи Наукъ большою золотою медалю.

²⁾ О мѣстѣ Жукотина и Ошела историкъ Татищевъ говоритъ слѣдующее: „Суть же и еще города великіе (болгарскіе) видимы, яко на устьѣ Камы, на луговой сторонѣ, Жукотинъ; сказываютъ, великія развалины были; на нагорной сторонѣ, ниже Камы верстъ пять, былъ городъ Ашля“. «Исторія Россійская», Татищева, 1769 г., кн. 1, ч. 2. Свѣдѣн^{іи}я полагаетъ также, что городъ Жукотинъ стоялъ на устьѣ Камы. Большинство ученыхъ склоняется къ тому, что Ошель стоялъ на Волгѣ, недалеко отъ устья Камы.

взять и разворенъ въ 1391 г. новгородцами и устюжанами. Керменчукъ стоялъ выше Чистополя, на берегу рѣчки Курмени, близъ д. Тамъ-Керменъ. Бряхимовъ, по мнѣнію Невоструева, стоялъ близъ Елабуги; остальные города стояли въ глубинѣ материка. Такъ, Изгаръ стоялъ, по его же мнѣнію, близъ д. Никитской. По мнѣнію же В. А. Казаринова, здѣсь стоялъ Тубулга-Атау, такъ какъ татары и посейчасъ называютъ эту деревню Тубулга-Тауи. Городъ Бюларъ, предполагается, стоялъ въ 45 вер. отъ Камы на мѣстѣ нынѣшняго города Билярска. Кашанъ ¹⁾ и Кызляръ стояли на мѣстѣ четырехъ городищъ, замѣчаемыхъ между бассейномъ р. Шуранки и Сорочьими горами. Кулай стоялъ тамъ, гдѣ находится теперь селеніе Кулаево. Если изъ перечисленныхъ мною городовъ хоть половина дѣйствительно стояла здѣсь, по Камѣ, то Карамзинъ совершенно вправѣ былъ называть государство болгарское Камскою Булгаріею (а не Волжскою) ²⁾.

Нѣкоторыя болгарскія кладбища, по небрежности ли здѣшняго населенія, или по недостатку земель, пошли подъ пашню или подъ усадьбы, а камни надъ отдѣльно стоящими могилами исчезаютъ. Въ деревнѣ Нижне-Никитской, Чистопольскаго уѣзда, сохраняются остатки болгарскаго кладбища. Памятники надъ могилами стоятъ на дворахъ и огородахъ и если еще сохранились, то только потому, что о томъ просятъ татары, которые особо чтутъ болгаръ, считая ихъ какъ бы своими родоначальниками ³⁾. Близъ д. В. Никитской, справа отъ дороги, стоитъ памятникъ изъ камня высотой до 6 четв., лицомъ къ югу. Въ верхней половинѣ его изоб-

¹⁾ Подъ городомъ Кашанъ или Казанъ можно разумѣть древнюю Казань или Иски Казанъ. Профес. Баженовъ утверждаетъ, что старая Казань, слѣды которой и теперь замѣтны, стояла въ Чистопол. уездѣ, въ 40 верстахъ отъ нынѣшней Казани.

²⁾ „Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина, том. I, гл. IX.

³⁾ Татары умно сдѣлали бы, если бы всё сохранившіеся памятники надъ могилами болгаръ увозили домой, а находимыя болгарскія вещи скупали. Если они интересуются древностями болгарскими, то отчего не составить изъ нихъ свой собственный болгарскій музей?

ражена звѣзда, внизу надпись. Татары считаютъ этотъ памятникъ, который они обнесли четырехугольнымъ деревяннымъ срубомъ, могилою Ходжи-Ахрара, ученика Нуреддина, изъ Бухары ¹⁾).

Къ сожалѣнiю, многія надписи на сохранившихся памятникахъ еще до сихъ поръ не разобраны и не переведены, а онѣ очень любопытны. Императоръ Петръ I, въ заботѣ о сохраненiи древностей, указомъ подтвердилъ не вредить древнихъ построекъ. Онъ приказалъ скопировать надписи на памятникахъ въ г. Болгарѣ (на Волгѣ, близъ Спасска) и перевести ихъ на русскій языкъ. Скопированныя при этомъ государѣ болгарскія эпитафiи интересны. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ. 1) «Смерть подобна полной чашѣ питiя: всѣмъ людямъ ее пить, никому не миновать. Гробъ—врата смерти; всѣ люди пройдутъ чрезъ нихъ». 2) «То не минуемо, что грозный день суда Божiя прiдетъ: нѣтъ въ томъ сомнѣнiя что Господь воздвигнетъ умершихъ». 3) «Онъ Господь Богъ живой. . [Всѣ живые вскорѣ умрутъ, кромѣ Господа Бога, прибавляется въ другой]. Сiе домовище великаго и превеликаго и высокаго повелителя, избраннаго отъ Бога, почтеннаго, благороднаго, призирателя учителей и защитителя сирыхъ, Акиста-Ходжи, сына Мумикова, а Мумикъ былъ сынъ Мурзина болгарскаго. О, Господи Боже! удостой его довольствомъ нескончаемымъ и учести его, отпустивъ грѣхи его, и помилуй согрѣшенiе его. Мѣсяца марта 27, 720 года». Указывать родословную умершаго и восхвалять его добродѣтели было въ обычаѣ болгаръ еще въ 8 и даже 7 столѣтiяхъ. Надписи на памятникахъ женщинъ отличаются еще болѣе пышными эпитетами. 4) «Се послѣднiй прiютъ прецѣломудренныя, прекрасныя и прелобочестивыя княгини Сафары, дщери Рысаевой, родомъ изъ Исамахи^{III}. О! Боже, удовольствуй ее довольствiемъ нескончаемымъ, учести отпущенiемъ грѣховъ ея, помилуй и освяти ее въ грозный судный день». 5) «Сiе домовище пречестнѣйшiя, премногомилосерд-

¹⁾ Статя г. Казарина во 2 т. „Извѣстiй Казан. Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи“.

ныя, прекрасныя, превысокородныя и непорочныя и препочтенныя и чистѣйшія, многовѣрныя княгини Сары, дочери Ахметовой». 6) «Сіе домовище прецѣломудренныя, чистѣйшія, непорочныя, многотерпѣливыя и многопостныя Раммы. (При семьъ перечисляется родословная этой болгарки). О, Господи! удовольствуй ея довольствіемъ нескончаемымъ! Отыде къ милосердію Всевышняго 22 лѣтъ отъ рожденія своего»¹⁾).

Изъ приведенныхъ эпитафій можно нѣсколько судить о характерѣ болгаръ. Отличительными качествами они почтали не военныя доблести, какъ турки: мужество, храбрость, отвагу, месть къ невѣрнымъ, а чисто добродѣтели мирнаго свойства: благочестіе, милосердіе, призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ учителей. Въ женщинѣ они цѣнили непорочность, цѣломудріе, набожность, строгое соблюденіе установленныхъ постовъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ древнемъ народѣ, царившемъ нѣкогда по Камѣ и Волгѣ.

IV.

Кому болгары обяваны сохраненіемъ своего имени въ исторіи.—Границы Бугарскаго царства.—Происхожденіе болгаръ; ихъ языкъ.—Начало ихъ государства.—Принятіе ислама.—Побѣда князя Владимира надъ булгарами.—Вѣчный договоръ до перваго случая.—Борьба русскихъ съ булгарами.—Дальнѣйшій исторія Бугаріи.—Сохранившіяся имена булгарскихъ хановъ.—Столица болгаръ.—Развалины этой столицы.—Любопытныя осмотры развалины царя и учеными.—Впечатлѣніе, производимое развалинами.

Булгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей, и потому такъ легко, несмотря на ихъ богатство и нѣкогда цвѣтущее состояніе ихъ государства, затерялись въ памяти народовъ. Не будь у нихъ столкновеній съ русскими и сношеній съ арабами, существованіе ихъ прошло бы совсѣмъ безслѣдно, на подобіе многихъ кочевыхъ народовъ, которые вихремъ налетали на осѣдлыя народы и потомъ подобно вихрю и исчезали безъ слѣда съ лица земли. Только благодаря нѣкоторымъ записямъ путешествовавшихъ въ

¹⁾ Приведенныя мною эпитафій заимствованы изъ книги: „Картины Россіи“, Свиньина.

Булгарію арабовъ, а главное—благодаря русскимъ лѣтописямъ, имя булгаръ не предано вполне забвенію.

Границы владѣній Булгарскаго царства не извѣстны. Ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, не пришли ни къ какому заключенію. Г. Шпилевскій полагаетъ, что восточные предѣлы булгарскихъ владѣній оканчивались близъ р. Яика (Урала), гдѣ они въ 1229 г. потерпѣли первое пораженіе отъ татаръ. Въ составъ владѣній булгаръ, кромѣ средняго теченія Волги, входило, по мнѣнію г. Шпилевскаго, низовье Вятки, населенное вотяками и черемисами. ¹⁾

Даже самое происхожденіе булгаръ не извѣстно, хотя ихъ и причисляютъ къ тюрско-татарскому племени. Были ли булгары единоплеменными съ тѣми изъ болгаръ, которые поселились на Дунаѣ и приняли крещеніе при болгарскомъ князѣ Борисѣ—это составляетъ также вопросъ. Полагаютъ, что Волжскіе и Камскіе булгары представляли собою смѣсь турецкихъ, славянскихъ и финскихъ племенъ ²⁾. Названіе свое булгары получили отъ Волги, которая въ древности называлась Ра, а потомъ получила названіе отъ волхвующихъ финновъ названіе Волги, значущей въ переводѣ колдунья ³⁾ Поэтому, правильнѣе было бы называть булгаръ по двумъ именамъ этой рѣки Волга+ра. Языкъ булгаръ, по указанію Ибнъ-Гаукама, былъ тотъ самый, какой и у хозаръ, т. е. смѣшанный персидско-турецкій. Булгарскіе ханы легко понимали турецкій, румелійскій языки, а съ принятіемъ ислама стали понимать, чрезъ изученіе вѣроятно, и арабскій языкъ.

¹⁾ См. «Древніе города Казан. губ.» Шпилевскаго. Бектинъ полагаетъ, что булгары владѣли пространствомъ между Волгою, Уральскими горами и Самарою. Татищевъ полагаетъ, что границею между русскими и булгарскими владѣніями служила р. Каремъ, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, выше г. Васля на 15 верстъ.

²⁾ „Полный курсъ русской исторіи“, Иловайскаго.

³⁾ На финско-восточномъ языкѣ Volho или Volhu означаетъ колдунъ или колдунья. Но вѣрнѣе всего, что слово Волга чисто русское, такъ какъ на языкѣ русскихъ были имена Олегъ, Ольга и богатырь Вольга или Волга Святославовичъ. При томъ, надо замѣтить, что русскіе открыли первые путь по Волгѣ, отъ ея истоковъ и до самаго устья.

Несомнѣнно, болгары, поселившіеся на Волгѣ и въ тѣснившіе хозарь, сложились въ государство ранѣе восточныхъ славянъ или русскихъ. Въ началѣ VII в. уже упоминается о ихъ первомъ князѣ Туфъ-ханѣ, умершемъ въ 63 году. Какъ болгары управлялись—имѣли ли одного общаго для всѣхъ хана, или каждый городъ имѣлъ своего князя—остается неизвѣстнымъ. Профес. Баженовъ¹⁾ полагаетъ, что у нихъ царяла удѣльная система. По всей вѣроятности русскій князь Владимиръ, легко одолѣвшій разрозненныхъ болгаръ, задалъ имъ хорошій урокъ. Со времени этой побѣды болгары, на случай опасности, стали соединяться и вмѣстѣ и чрезъ то сдѣлались сильными.

Какой либо общей прежней религіи у разноплеменныхъ болгаръ не существовало. Всѣ они были прежде язычниками, но въ началѣ X в. начинается проникать въ среду ихъ христіанство и магометанство, и послѣднее заглушило и подавило собою первые начатки христіанства. «Этотъ свѣтъ вѣры слабый, говоритъ про христіанство Баженовъ—тѣмъ мерцавшій во мракѣ язычества, исчезъ въ новомъ туманѣ навѣянномъ исламизмомъ». Исламъ здѣсь развился отъ тѣсныхъ торговыхъ сношеній съ магометанскими народами. По арабскимъ источникамъ, болгары приняли магометанство въ 921 году, а по татарскимъ—значительно ранѣе, именно при ханѣ Айдарѣ, между 630—680 годами²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что при ханѣ золотой орды, Узбекѣ, въ XIII в., болгары смѣшавшіеся съ татарами, были поголовно всѣ уже магометанами.

Прежняя первоначальная разрозненность болгаръ, племенная и по религіи, дѣлала ихъ слабыми. Кіевскій князь Владимиръ едва не обложилъ ихъ уже данью. Отправившись для покоренія Булгаріи на ладьяхъ по Волгѣ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Добрынею, воинственный князь побѣдилъ бул

¹⁾ «Казанская исторія», Баженова.

²⁾ Татар. повѣствованіе изъ Ферсиягъ-Наме говорятъ, что для обращенія болгаръ къ магометанской вѣрѣ посланы были изъ арабскаго калифа три пророка, изъ коихъ одинъ, по имени Гантала, держалъ рѣчь предъ ханомъ Айдаромъ.

гарь, разгромивши ихъ главный городъ на Волгѣ¹⁾. Но когда привели къ князю болгарскихъ плѣнниковъ, «Добрыня соглядаяхъ колодникъ, иже вси въ сапозѣхъ, рече князю: симъ дани не дати, пойдемъ искати лапотникъ». Владимиръ послушался совѣта Добрыни, заключилъ съ булгарами миръ и съ дарами отъ нихъ возвратился въ свою столицу. Булгары дали ему торжественное обѣщаніе жить дружелюбно съ русскими и соблюдать уговоръ до тѣхъ поръ, пока камень не станетъ плавать, а хмель тонуть въ водѣ.

Но этотъ вѣчный договоръ свой булгары скоро нарушили, напавъ въ 1088 г. на Муромъ, русское укрѣпленіе, поставленное на Окѣ. Вторженіе на русскую землю булгары дѣлали не разъ. Такъ, въ 1183 г. они разорили Муромъ, Городецъ и Рязань, а въ 1218 г. овладѣли, ненадолго, впрочемъ, городомъ Устюгомъ Великимъ.

Съ своей стороны русскіе не оставались предъ булгарами въ долгу и платили имъ десятирицею за набѣги, нападая на ихъ города и по Волгѣ и по Камѣ. Болѣе счастливые и удачные походы противъ булгаръ были при великихъ князьяхъ: Андрей Боголюбскомъ, въ 1164 г., при Всеволодѣ III, въ 1183²⁾, и при Юріи Всеволодовичѣ, въ 1219 году. Видя города свои разрушенными и взятыми съ бою, булгары смирялись, просили мира и соглашались на всѣ условія побѣдителей. Но эта покорность была не долговременная, и война съ булгарами продолжалась до вторженія въ Россію монголо-татарскихъ народовъ.

При нашествіи татаръ, булгары первые подвергаются ихъ разгрому. Полководецъ Батня, Суббатай, въ 1236 г., остановился на всю зимовку въ ихъ главномъ городѣ, Болгарѣ. За то, что булгары ихъ кормили, татары отплатили

¹⁾ Въ русскихъ летописяхъ о разрушеніи Владимировъ Болгара ничего не говорится, но татар. писатель XIII в. Ибнъ-Эль-Барди говоритъ, что этотъ городъ славенъ былъ какъ столица и пристань на Волгѣ, пока не былъ опустошенъ русскими въ 960 г. Эрбелотъ, на основаніи, вѣроятно, этого источника, утверждаетъ то же самое въ св. „Bibl Orient“.

²⁾ Въ этой битвѣ помогали великому князю половцы и одинъ изъ болгарскихъ князей.

имъ самую черною неблагодарностію. Булгары отогрѣли у себя змѣю. Какъ татары возблагодарили за пріемъ, объ этомъ выразительно говорится въ нашихъ лѣтописяхъ: «Безбожніи татары взяша главный великій городъ болгарскій и избиша оружіемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товары множество, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша».

Съ этого времени болгарское царство управлялось посылаемыми изъ Сарая намѣстниками, и, такимъ образомъ, зависимость болгаръ отъ татаръ была значительно больше, чѣмъ у русскихъ. Татары заставили болгаръ чеканить для себя монету.¹⁾ Видимо болгары, жившіе ближе къ столицѣ Золотой орды, тяготились игомъ дикихъ татаръ и дѣлали попытки къ освобожденію себя отъ нихъ, пользуясь смутами въ Кипчакской ордѣ. Такъ князь Булатъ-Темиръ въ 1361 г. объявилъ себя независимымъ отъ Кипчакской орды. Но эта попытка стоила дорого болгарамъ. Ханъ Тохтамышъ въ 1391 г. страшно разорилъ Булгарію,—послѣ чего болгары не могли уже оправиться²⁾. По татарскимъ же источникамъ, не Тохтамышъ разорилъ въ корень болгаръ, а Тамерланъ или Темиръ-Аксакъ. Пользуясь ожесточенною войною Тохтамыша съ Тамерланомъ, сарайскій намѣстникъ въ Булгаріи Абд-Улахъ-ханъ объявилъ, съ согласія болгаръ, себя независимымъ ни отъ кого. Это вызвало страшный гнѣвъ въ побѣдителя Тохтамыша, Темиръ-Аксака. Тамерланъ съ песмѣтными полчищами устремился къ главному городу Булгаріи. Весь горизонтъ затмился пылью отъ приближавшихся монголовъ. Закипѣла битва свирѣпая и кровопролитная. Булгары съ своимъ ханомъ заперлись въ городѣ и защищались отчаянно. Но что они могли сдѣлать противъ этого великаго завоевателя, котораго не могъ осилить могущественный турецкій султанъ Баязеть? Городъ

¹⁾ О культурной сторонѣ болгаръ будетъ сказано мною въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Кстати замѣтить здѣсь, что этотъ независимый болгарскій ханатъ, подъ управленіемъ иноплеменныхъ князей, былъ очень слабъ. Новгородскіе ушачники часто опустошали города этого ханата (въ 1366 г., 1371 и 1375 г.) и имѣли смѣлость продавать награбленное имущество въ г. Волгарь.

булгарь былъ обращенъ въ развалины, Абд-Уллазъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими 124 князьями. Оставшіеся въ живыхъ жители казнены, а жены ихъ уведены въ рабство. Спаслась только самая незначительная часть булгарь, скрывшаяся въ дремучихъ лѣсахъ.

На развалинахъ булгарскаго царства возникло другое, Казанское царство. Начало его могуществу положилъ, въ первой половинѣ XV в., ханъ Улу-Махметъ и его сынъ Махмутекъ. Но въ составъ этого новаго царства булгары входили только частью, смѣшавшись тамъ съ татарами, черемисами, мордвою и вотягами. Русскіе почему-то продолжали считать Казанское царство Булгарскимъ.

Новое казанское царство съ самаго его начала, со времени Улу-Махмета, встало къ русскимъ сосѣдямъ въ крайне враждебное отношеніе. Казанскіе татары часто нападали на русскія области, опустошали ихъ и уводили въ плѣнъ жителей городовъ и селеній.

Но русскіе, съ своей стороны, щедро платили за эти опустошенія до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сокрушили силу и не увидѣли Казанскаго царства у ногъ своихъ колѣнопреклоненнымъ.

Сильный ударъ Казанскому царству нанесенъ былъ сыномъ Донскаго, великимъ княземъ Василиемъ Димитріевичемъ. Въ 1487 г. этотъ князь, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, опустошилъ города: Казань, Болгарь, Жукотинъ и Кременгугъ. Этотъ князь сталъ уже слѣть «завоевателемъ Булгаріи». Иоаннъ III Васильевичъ въ первый походъ въ 1469 году опустошилъ Казань и заставилъ царя Ибрагима просить мира. Но такъ какъ казанскіе татары послѣ этого мира стали вторгаться въ русскую землю при царѣ Аллей, то Иоаннъ III предпринялъ, въ 1487 году, новый походъ противъ Казани. Послѣ упорной битвы Казань взята была русскими 9 іюля. Аллей со всѣмъ своимъ семействомъ попался въ руки побѣдителей. Иоаннъ далъ въ цари Казани тысячнаго данника Аминя, заставивъ его и его народъ присягнуть на вѣрность Московскому князю. Съ этого вре-

мени Иоаннъ III принялъ уже титулъ государя Болгаріи. Полнымъ покореніемъ Казани въ 1552 г., при царѣ Иоаннѣ IV, прекратилось навсегда существованіе Казанскаго или Болгарскаго царства.

Князья болгарскіе носили титулъ хановъ, эмировъ, царей и даже владѣцевъ славянъ. Послѣдній титулъ, какъ особенно громкій, приписывали ханамъ и арабы, время отъ времени посѣщавшіе своихъ единовѣрцевъ. Изъ именъ болгарскихъ хановъ сохранились слѣдующія: Туфи-ханъ, Айдаръ-ханъ, Сеидъ-ханъ, Иръ-ханъ, Альмасъ-эль, Саклабъ-эмиръ или Джафаръ, Ахмедъ, Мумень, Назиръ-Лидинъ-Алаха и Илямъ-ханъ, при которомъ произошло вторженіе татаръ ¹⁾. Столицею болгарскихъ хановъ былъ городъ Болгаръ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ Великимъ. Мѣсто этого города находится близъ г. Спасска, у самаго села Успенскаго, въ десяти верстахъ отъ Волги. По свидѣтельству Удъ-Девайра и другихъ татарскихъ писателей, Волга текла прежде у самаго подножія высокой горы, на которой стоялъ городъ Болгаръ. Это легко допустимо. Объ уклоненіи Волги отъ прежняго своего русла свидѣтельствуется множество озеръ и болотъ, разбросанныхъ по прибрежной части. Въ началѣ IX столѣтія въ Болгарѣ было только 520 домовъ, три мечети и три бани. Въ пору же цвѣтущаго состоянія Болгаріи въ этомъ столичномъ ея городѣ, служившемъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, жителей насчитывалось до 10 тысячъ, кромѣ гостей и проживающихъ временно въ этомъ городѣ. Городъ Болгаръ окруженъ былъ многолюдными слободами, въ которыхъ насчитывалось до ста тысячъ жителей ²⁾. Судя по сохранившемуся валу и рву, городъ заключалъ въ себѣ пространство въ 7 верстъ длины и 4 въ ширину; расположенъ былъ онъ въ видѣ неправильнаго овала. Внутри этого города стоялъ ханскій дворець, объ огромности коего свидѣ-

¹⁾ Сообщенія о именахъ болгарскихъ хановъ основаны на неясныхъ преданіяхъ татаръ и ихъ запискахъ, сбивчивыхъ и часто противорѣчащихъ одна другой.

²⁾ „Казанская Исторія“, Баженова.

тельствуютъ остатки фундамента, имѣвшаго до 80 футовъ въ длину и ширину; по угламъ дворца стояли башни различной величины и формы; одна изъ башенъ имѣла видъ восьмиугольника.

Развалины бывшей столицы Болгаріи привлекаютъ къ себѣ всѣхъ любознательныхъ путешественниковъ. Императоръ Петръ I, во время персидскаго похода, заѣзжалъ по-смотреть на эти развалины. Онъ пробылъ здѣсь три часа. Высокая каменная башня, виднѣвшаяся издалека, привлекла его вниманіе. По пріѣздѣ сюда, онъ вошелъ по 74 ступенямъ на верхъ этой башни и отсюда осматривалъ окрестности. Государь замѣтилъ, что эта башня, въ $12\frac{1}{2}$ саж. высоты, давала булгарамъ всѣ выгоды въ военное время, потому что съ вершины ея открывалась даль во всѣ стороны, а это давало возможность булгарамъ предупреждать дѣйствія непріятели. Петръ I объѣхалъ кругомъ вала, обращая вниманіе на все любопытное. Онъ оглядѣлъ четырехъ-ярусную башню, извѣстную подъ именемъ Черной Палаты, равно какъ Бѣлую Палату, съ ея вычурною кирпичною архитектурою и фундаментомъ, имѣвшимъ форму креста. Петръ указалъ не вредить построекъ древнихъ, велѣлъ оковать высокую башню вверху желѣзными обручами и перевести на русскій языкъ эпитафіи на памятникахъ. Екатерина II, во время своего путешествія, въ 1767 г., по Волгѣ, также посѣтила развалины Болгара и на мѣстѣ убѣдилась, что указъ Петра I о сохраненіи древностей не соблюдался. Осмотрѣвъ развалины, она съ неудовольствіемъ писала Панину: «Сему одинъ гонитель Казанской архіерей Лука, который при покойной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ позавидовалъ и много разломалъ, и изъ иныхъ плитъ построилъ церковь, погреба, и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность» ¹⁾. Посѣтившіе въ 1768 г.

¹⁾ Императрица указываетъ въ своемъ письмѣ, что она видѣла два весьма высокіе турецкіе минарета и „остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній“. Вниманіе государыни и остановилось на матеріалѣ этихъ неважныхъ по архитектурѣ зданій: „Все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты весл

Болгарь академики, Палласъ и Озерецковскій, насчитывали въ немъ 44 развалины, но теперь нельзя уже насчитать ихъ столько. Время наложило на все печать разрушенія; удивлявшая всѣхъ высокая башня давно уже рухнула, остались ничтожные остовы зданій да груды камней подъ тонкимъ слоемъ земли, поросшей крапивою и бурьяномъ. Разбросанныя кучи мусора, слѣды рва и вала—вотъ, что осталось отъ этой многолюдной столицы Болгаріи, отъ этого нѣкогда цвѣтущаго города, который Ференашъ называлъ золотымъ трономъ (*solium aureum*). Скоро быть можетъ, плугъ поселнина изгладитъ съ лица земли и послѣдніе остатки, а полночный вѣтеръ разнесетъ и самую пыль ихъ. *Sic transit gloria mundi!*

Видъ развалинъ Болгара можетъ производить сильное впечатлѣніе на образованнаго и глубоко чувствующаго путешественника. Свинъинъ, описавшій въ 1839 г. подробно развалины, имъ видѣнные, въ такихъ словахъ выражаетъ впечатлѣніе: «Можно ли равнодушно смотрѣть на могилу обширной столицы народа, нѣкогда богатаго, могущественнаго? можно ли безъ чувствъ, безъ размышленія, видѣть сіи нѣмыя, скудныя свидѣтельства его существованія?» Позднѣе его посѣтившій эти развалины авторъ Казанской исторіи (изд. въ 1847 г.) Баженовъ говоритъ: «Грустно смотрѣть на слѣды истребленія, на развалины высокихъ зданій, дворцовъ, мечетей, минаретовъ этой нѣкогда многолюдной, цвѣтущей и шумной столицы, съ царствовавшими тамъ восточными роскошью, нѣгою и наслажденіями!»

ма хорошей“. Далѣе она указываетъ, что магометане „великое почтеніе питаютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины“. Въ объясненіе сего прибавлю, что татары ѣздятъ на богомолье въ Болгарь потому, что считаютъ въ немъ погребенными пять святыхъ мусульманскихъ мужей. Имена святыхъ болгарь, по татарскимъ лѣтописямъ, слѣдующія: Султанъ-Уль-Арефинъ, Шеникъ-Гасанъ-Баери, Шеникъ-Шибли, мулла Гасанъ-Удинъ и Шеникъ Култи-Саманъ.

V.

Преувеличенная слава о культурѣ болгаръ.—Нравы и обычаи ихъ въ началѣ X вѣка.—Способность болгаръ къ подражанію.—Обезьянствующій болгарскій ханъ.—Производства и промыслы болгаръ.—Торговля болгаръ и ихъ предпримчивый коммерческій духъ.—Причина, почему болгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей.—Ревность болгаръ къ исламу.—Христіанскіе мученики.—Причина паденія болгарскаго царства, по татарской лѣтописи.—Слабость болгаръ.—Опасное для нихъ сосѣдство.—Самобытность, жизненность и сила русскаго народа.—Гдѣ и въ комъ искать потомковъ болгаръ.—Удержавшійся доселѣ титулъ болгарскаго князя.

Слава о цвѣтущемъ состояніи Булгаріи и объ ея высокой, якобы, культурѣ замѣтно сильно преувеличена. Изъ предыдущей главы можно усмотрѣть, что болгары въ политическомъ отношеніи были слабымъ народомъ, который никогда не могъ считать себя вполне обезпеченнымъ отъ захватовъ и опустошеній другихъ болѣе сильныхъ его народовъ.

О внутренней жизни болгаръ остались сказанія арабовъ, которые посѣщали своихъ единовѣрцевъ. Изъ сообщеній арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, посѣтившаго въ X в. столицу болгаръ, видно, что они стояли въ это время на низкой степени цивилизаціи и были близки къ полудикарямъ. Обычаи и нравы болгаръ были грубые. Въ баню сходились оба пола и не стѣснялись своей наготы. вмѣсто масла употребляли рыбій жиръ и потому запахъ отъ нихъ былъ противенъ. Умныхъ людей въ своей средѣ не терпѣли и подъ предлогомъ, что умному пора служить Богу, схватывали его и вѣшали на деревѣ, пока сгнившій трупъ не распадется по частямъ. Несомнѣнно, что здѣсь подъ умными людьми разумѣлись волхвы и чародѣи. Юридическіе обычаи до крайности были суровы. Воровъ, грабителей и прелюбодѣевъ привязывали за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ и разсѣкали ихъ пополамъ. За убійство преступника запирали въ сундукъ и привѣшивали этотъ сундукъ къ высокому столбу до тѣхъ поръ, пока убійца не задыхался въ немъ. Измѣна, преступленіе противъ вѣры и другія тяжкія преступленія влекли за собою истязанія преступника до самой его смерти. Всѣ эти смертныя казни тѣмъ бо

лѣе были страшны, что правленіе въ Болгаріи, какъ и во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, было деспотическое и зависѣло отъ личнаго произвола управлявшихъ странюу владыкъ.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что онъ въ городѣ Болгарѣ наглядѣлся на такіа диковинныя явленія, что и перечестъ ихъ не въ состояніи. Просвѣщеннаго араба наумлялъ весь бытъ и строй жизни болгаръ. Булгарскіе эмиры за честь себѣ ставили именоваться кліентами Багдадскаго калифа. Отправляемыя послѣднимъ посольства они принимали съ особенною почестію, осмывая ихъ серебряными деньгами. Способность болгаръ къ подражанію арабамъ доходила до обезьяничества. Булгарскіе ханы показывали тому первый примѣръ. Булгарскій эмиръ Альмуса-эль-Саклабъ готовъ былъ, кажется, кожу съ себя снять, лишь бы походить на повелителя правовѣрныхъ. Узнавъ, что калифа зовутъ Джафаръ, а отца его Абдаллахъ, этотъ эмиръ, изъ подражанія калифу, рѣшилъ бросить свое прежнее имя и имя своего отца, дабы называться одинаковымъ именемъ съ калифомъ. По деспотической волѣ эмира въ одну минуту появились два имени Джафара: одно—какъ повелителя правовѣрныхъ, другое—какъ его кліента, эмира болгарскаго. Можно, однако, представить удивленіе подданныхъ болгаръ, когда они услышали, на молитвѣ въ мечети, прованіе Альмуса-эль-Саклабы чужимъ именемъ.

Зодчества болгары никакого не знали, и потому, для постройки мечетей и каменныхъ зданій, стали выписывать зодчихъ изъ Багдада. Сохранявшіеся долго остатки башенъ Высокой и Черной и Бѣлой Палаты, по всей вѣроятности, сдѣланы были не болгарскою, а чужеземною рукою мастеровъ. Хотя, по словамъ другаго арабскаго писателя, Ибнъ-Даста, у болгаръ не было монетъ своего чекана, но они впоследствии научились это дѣлать. Чеканили они свои деньги, по образцу арабовъ, непременно съ кувчискими надписями. Въ дѣлѣ чеканки болгары къ XIII в. такъ уже изловчились, что татары, ихъ покорители, поручали имъ че-

чанку монеты для Золотой орды. Городомъ, гдѣ производилась эта чеканка, былъ Болгарь. Полагаютъ, что болгары умѣли дѣлать клинки для оружія и многія металлическія вещи: вѣсы, блюда, перстни, зарукавья и пр. Гончарное дѣло имъ также было хорошо знакомо. Находимыя черепки изъ черной и красной глины, принадлежащія болгарскому періоду, отличаются своей особенностію: они очень тонки. Главнымъ же предметомъ промышленности болгарской служила выдѣлка юфти. Эта промышленность у болгаръ развилась извѣсти, такъ какъ ихъ ханы собирали дань съ своихъ подданныхъ шкурами и кожами. Лучшая юфть и до сихъ поръ въ Азіи прозывается юфть-булгары или болгарь, — названіе, которое сохранилось за нею со временъ существованія булгарь. Съ выдѣлкою юфти неразрывно связано приготовленіе мѣховъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и это ремесло было знакомо булгарамъ, такъ какъ мѣха составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли. Шкуры звѣрей они добывали отъ финновъ, живущихъ въ прикамскомъ краѣ, и отъ русскихъ; съ которыми вѣдвали торговлю. По словамъ арабскаго географа X в. Ибнъ-Гаукаля, русскіе привозили имъ въ продажу шкуры черныхъ кунницъ или скинскихъ соболей; но сами болгары не вѣздили въ Россію для торговли, такъ какъ въ ней, будто бы, убивали всѣхъ иноземцевъ ¹⁾.

Если обрабатывающая промышленность болгаръ вызываетъ еще нѣкоторыя сомнѣнія, то промѣнивающая промышленность стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Булгары, по характеру своему, были прежде всего купцы. Въ дѣлѣ торговли

¹⁾ Весьма курьезны сообщенія этого арабскаго географа, писавшаго по слухамъ о Россіи. Онъ даетъ племенамъ и городамъ русскимъ такія имена и названія, которыхъ никогда и не существовало. „Руси три племена—говорить онъ—одно близъ Болгаріи; царь его живетъ въ городѣ Іунабъ, который обширнѣе столицы Булгарской. Другое племя называется Артаями, царь его живетъ въ Артѣ, а третье, именемъ Джеллабе, обитаетъ выше. Но для торговли никто не вѣздитъ далѣе Болгарской столицы; никто не вѣздитъ до Арты, ибо жители убиваютъ всякаго иноземца. Арта производитъ свинець и олово и звѣря, называемаго черною кунницею или скинскимъ соболемъ. Русскіе жгутъ мертвыхъ и не брѣютъ бороды.“ „The oriental Geography of Ebn-Haukal“.

они отличались большою предприимчивостью. Они водили торговлю по Итилю (Камо-Волгѣ), по Вяткѣ и даже пробивались и на р. Бѣлую, которую они называли Бѣлой Воложкой. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ они торговали съ финскими племенами, съ славянами и даже вступали въ сношенія съ сибирскими народами. На югѣ они торговали съ армянами ¹⁾, греками и персіянами. Между Болгаромъ, Харсумомъ и Харасаномъ производилась почти постоянная, помощію каравановъ, торговля. Предметами болгарской торговли служили юфть, различные мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, мамонтова кость и сабельные клинки. Изъ Византіи они вывозили парчу, дорогія ткани, драгоценные камни и проч. Складочнымъ мѣстомъ, откуда товары отправлялись на востокъ и обратно, служилъ городъ Болгары. Торговые интересы стояли у нихъ на первомъ планѣ. Заключая договоръ съ русскими, часто вынужденный, они непремѣнно закинутся о томъ, чтобъ была безпрепятственная торговля между помирившимися сторонами ²⁾.

Помощію торговли сносясь съ другими народами болгары не усваивали отъ нихъ образованности. Беграмотность царила даже между трунами или ихъ знатными болгарскими людьми. Вотъ почему болгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей. Позволительно думать, что арабскія надгробныя надписи, найденныя на памятникахъ болгаръ, составленны не ими самими, а наемною рукою посѣщающихъ ихъ арабовъ. Грамотнымъ учителямъ въ Болгаріи, по недостатку спроса, дѣлать было нечего и самихъ учителей приходилось уже призирать добрымъ людямъ, какъ указываютъ на то одна изъ приведенныхъ мною эпитафій.

Крѣпче всего болгары ухватились за исламъ. Ревность ихъ къ новой вѣрѣ простиралась до того, что они сами высылали миссіонеровъ къ князю Владимиру, который, однако-

¹⁾ Армяне, народъ также торговый, жили подолгу въ Болгарѣ и даже здѣсь умирали, какъ видно изъ сохранившихся въ Болгарѣ эпитафій на памятникахъ.

²⁾ Объ этомъ Карамзинъ ничего не говоритъ, но такое указаніе встрѣчается въ „Исторіи Россійскаго Государства“, Стритера.

же, съ перваго слова отвергъ ихъ предложеніе принять магометанство ¹⁾. Успѣшнѣе болгарскіе проповѣдники дѣйствовали среди башкиръ и сибирскихъ народовъ. Христіанъ, жившихъ въ ихъ владѣніяхъ, болгары старались обратить въ исламъ и, не достигши того, подвергали ихъ мученической смерти. Изъ числа замученныхъ болгарами остались извѣстными имена двухъ христіанъ: Авраамія и Θεодора ²⁾.

Какъ ни крѣпки были въ началѣ болгары въ принятой ими вѣрѣ магометанской, однако богатства, приобретенныя ими отъ торговли, изнѣжили ихъ и, при отсутствіи образованія, сдѣлали ихъ доступными одному разврату. На это именно и указываетъ татарская лѣтопись «Товаришь-Вулгаріе». Авторъ ея объясняетъ паденіе болгарскаго царства оскуднѣніемъ вѣры и происшедшимъ оттуда растлѣніемъ нравовъ. «И наши болгары—говоритъ онъ—славились своимъ развратомъ: Ученые законными уловками разрѣшили брать проценты, а равно много было грѣховъ прелюбодѣнія и смертоубійства. По причинѣ же пьянства, они оставили моленіе въ пятницу, бросили обряды, употребляемые при совершеніи пятикратныхъ молитвъ, считали позволеннымъ пить будо³ и пиво. Говоря, что у нихъ нѣтъ большого города, оставили соборное моленіе, порицали имама Шафи; говоря, что его слова—пустословіе; также оставили правдивикъ

¹⁾ Кстати здѣсь замѣтить, что у насъ даже въ учебникахъ единственною причиною отказа Владимира отъ принятія ислама выставляется запрещеніе магометанствомъ вина. Между тѣмъ, въ лѣтописахъ, Ипат. и Никон., указывается, что Владимиру исламъ по существу его ученія показался „гнуснымъ“. Послы, съ своей стороны, нашли магомет. вѣру „недобрымъ закономъ“, представляющимъ собою „смердь великъ“. Посламъ не понравились даже и молитвенные ризацы магометанъ.

²⁾ Авраамій былъ одинъ изъ богатыхъ купцовъ, проживавшій во торговомъ дѣлѣ въ Болгарѣ. Никакія прельщенія болгаръ и никакія ихъ угрозы не заставили его отказаться отъ христіан. вѣры. Болгары обезглавили его 1 апрѣля 1280 г. Привезенное во Владимиръ тѣло сего мученика было встрѣчено великимъ княземъ, духовенствомъ и народомъ со свѣчами. Погребено оно въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ.—Θеодоръ, іерусалимскій уроженецъ, погубленъ, какъ надо полагать, за смѣлое и рѣзкое осужденіе магометанско³ вѣры.

жертвоприношеній—Курбанъ-Байрамъ. Вообще, стали грѣшны противъ Всевышняго Бога».

Извиженные роскошью болгары уповали уже болѣе на свое золото, чѣмъ на оружіе. Выходя въ поле противъ врага, они были не стойки и, при первой же неудачѣ, прятались въ городъ, надѣясь на защиту укрѣпленій его. Какъ скоро и этотъ способъ оказывался недостаточнымъ, они покупали миръ деньгами. Этимъ они роняли въ народѣ понятіе о ратной чести и пробуждали въ немъ сознаніе своего безсилія. Болгары платили окупы не только русскимъ князьямъ, но и новгородскимъ ушеуйникамъ.

Рядомъ съ болгарами жилъ другой народъ, сильный, воинственный и самобытный. Этотъ народъ былъ—русскіе. Не устоять болгарамъ было противъ этого народа, у котораго, по выраженію Карамзина, слава была колыбелью, а побѣда вѣстницею его бытія. Юное, крѣпкое, свѣжее русское государство, съ твердо развитою въ немъ идеею національности, носило въ себѣ зачатки самобытности, живченности и силы, которой должны были, рано или поздно, покориться всѣ народцы и народы, населявшіе восточную половину Европы, между морями Бѣлымъ и Чернымъ, Балтійскимъ и Каспійскимъ. Могущественная длань этого народа распростерлась потомъ и дальше, за предѣлы Европы, отвоевавъ себѣ большія пространства въ Азіи.

Надо замѣтить, что этотъ русскій богатырь-народъ росъ медленно, но зато и прочно. Болгары встрѣтили этотъ народъ, можно сказать, еще въ младенчествѣ, но и тогда уже этотъ народъ сталъ пробовать свои пробуждающіяся силы на болгарахъ. Съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ болгарамъ и другимъ народамъ, жившимъ на восточной половинѣ Европы, спорить и бороться было трудно. Отъ серьезнаго столкновенія съ русскимъ народомъ болгарское царство пало, и пало такъ, что ничего не оставило послѣ себя, кромѣ имени. Землями его, городами и мѣстами заселенія давно уже владѣютъ русскіе.

Самое имя болгаръ, камскихъ и волжскихъ, сохрани-

лось только въ исторіи; народъ исчезъ безслѣдно, и трудно теперь сказать, въ какихъ потомковъ переродился этотъ нѣкогда богатый, сильный по своей промышленности народъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, въ жилахъ казанскихъ татаръ всего болѣе течетъ крови болгаръ. Казанскіе татары, не безъ основанія, могутъ быть, величаютъ себя иногда именовъ «бурлгарлыкъ» ¹⁾. Лѣсные башкиры Уфимской губерніи продолжаютъ звать себя и теперь болгарами ²⁾. Слѣдъ же существованія болгарскаго народа остался въ однѣхъ развалинахъ и названіяхъ урочищъ. Впрочемъ, это не все: титулъ болгарскихъ князей существуетъ и доселѣ. Въ полномъ титулѣ Россійскаго Императора, наравнѣ съ титулами царя Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, есть титулъ и Князя Булгарскаго.

VI.

Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе
судьбы Вятки и земли ея.

Костомаровъ.

Устье Вятки.—Естественная граница для трехъ губерній.—Вятская земля; удобный путь въ нее.—Письменный первоисточникъ о Вятской землѣ.—Омѣлая предприимчивость новгородцевъ.—Безпрятственное разгуливаніе ихъ по чужимъ рѣкамъ.—Постъ и молитва предъ приступомъ.—Вятіе съ бою Чудскаго города.—Движеніе новгородцевъ съ устья Вятки.—Вятіе ими Черемискаго города.—Постройка на красивомъ мѣстѣ областного города.—Чудо.—Обвѣтъ вятчанъ.—Укрѣпленіе областного города.—Можно ли безусловно вѣрить вятской лѣтописи?—Возбуждаемое сомнѣніе слишкомъ покойнымъ путешествіемъ новгородцевъ по чуждой землѣ въ XII вѣкѣ.—Погрѣшность противъ исторіи.—Возможная ошибка въ лѣтахъ основанія Вятки.—Предполагаемый путь русской колонизаціи.—Лѣтописныя извѣстія о набѣгахъ на Вятку ушкуйниковъ.—Поселеніе русскихъ на вятской землѣ.—Последній отпоръ пришельцамъ.—Первое упоминаніе о слободахъ и городахъ вятскихъ.—Самоуправленіе и отстаиваніе вятчанами своей независимости.—Вятская республика.

На пути отъ Чистополя въ Елабугу, близъ села Соколокъ, вливается р. Вятка, которая на большое пространство изрѣзываетъ правый холмистый берегъ Камы. Устье Вятки

¹⁾ См. кн. „Волга“ Рагозина. Книга эта, въ трехъ частяхъ, содержитъ много свидѣній о Болгаріи.

²⁾ „Географическіе очерки Россіи“, Воденикова.

не отличается шириною, какъ и всѣ притоки Камы. Вода въ Вяткѣ значительно свѣтлѣе камской, и потому-то, быть можетъ, вотяки называли ее Серебряною рѣкой. Устье Вятки служить естественною границею для трехъ губерній. Казанская губернія здѣсь смѣняется Вятскою и Уфимскою. Первая идетъ по правому берегу Камы, а вторая—по лѣвому.

Прежде чѣмъ идти вверхъ по Камѣ, необходимо сказать о Вятскомъ краѣ, который имѣетъ свою собственную исторію.

По берегамъ Вятки лежалъ тотъ край, который извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ Вятской земли. Рѣка Вятка представляла удобный путь къ русской колонизаціи этого края.

О началѣ зарожденія здѣсь русской области сохранился одинъ письменный источникъ, называемый «Повѣсть о странѣ Вятской». Эта повѣсть принимается всѣми за Вятскій лѣтописецъ. Всѣ русскіе историки пользовались этимъ лѣтописцемъ¹⁾. Хотя эта лѣтопись доведена до половины XVI столѣтія и тѣмъ указываетъ какъ бы на старину ея составленія, однако есть большое основаніе полагать, что она составлена не раньше конца XVII вѣка²⁾.

Изъ этой вятской лѣтописи видно, что начало колоніи Вятки положили новгородцы своими завоеваніями. Въ 1174 году они, покинувъ Новгородъ, сѣли на суда при истокахъ Волги и плыли этою рѣкою до устья Камы, гдѣ на лѣвомъ берегу послѣдней zaloжили городокъ (?) съ намѣреніемъ остаться здѣсь. Услышавъ, что на р. Вяткѣ живетъ слабосильный народъ, обладающій многими землями и угодьями, половина поселившихся на Камѣ новгородцевъ отправилась вверхъ по Камѣ до Чусовскихъ мѣстъ. Отсюда, т. е. съ

¹⁾ «Повѣсть о Вятской странѣ» сохранилась въ двухъ главныхъ, съ незначительными вариантами, спискахъ: Миллеровскомъ и Толстовскомъ. Первымъ спискомъ пользовался Карамзинъ и другіе историки, а вторымъ—Костомаровъ.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ: «Во градѣ Хлыновѣ, гдѣ нынѣ кремль городъ, построены (были) житіе жителей кругомъ города». А этотъ кремль построенъ былъ только въ 1664 году.

устья Чусовой, они совершили громаднѣйшій перевалъ по сушѣ до рѣки Чепцы, впадающей въ Вятку. Плывъ уже по Чепцѣ (на прежнихъ ли своихъ судахъ, перетащенныхъ волокомъ, или на устроенныхъ вновь плотахъ — неизвѣстно)¹⁾, они стали покорять отяцкія жилища (вотяковъ), окруженныя земляными валами. Вступивъ чрезъ Чепцу въ Вятку, новгородцы увидѣли въ пяти верстахъ отъ устья Чудскій городокъ, стоявшій на высокой горѣ и хорошо укрѣпленный. Чудь называла, будто бы, принадлежащій ей городъ Болвановскимъ. Городъ этотъ понравился новгородцамъ и они рѣшили взять его ратію. Не надѣясь на свои силы, они прибѣгли къ небесной помощи. Съ этою цѣлю вся дружина дала зарокъ не пить и не ѣсть до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ городъ. Во все это время, готовясь къ бою, они молились угодникамъ Божиимъ Борису и Глѣбу, чтобы они помогли имъ въ битвѣ такъ же, какъ нѣкогда помогли Александру Невскому въ его побѣдѣ надъ супротивными Шведами. Начался приступъ для взятія города, и угодники помогли имъ одолѣть врага. Множество чуди и отяковъ было побито, а часть ихъ разбѣжалась по лѣсамъ. Новгородцы переименовали взятый съ бою городъ въ Никулицынь и построили въ немъ, по обѣщанію, церковь во имя св. Бориса и Глѣба²⁾.

Услышавъ о блестящемъ успѣхѣ своихъ товарищей, вторая половина новгородцевъ, сидѣвшая на Камѣ, рѣшила также испробовать свои силы въ завоеваніи³⁾. Эти новгородцы избрали путь ближайшій и болѣе удобный. Они вступили въ устье Вятки и, дойдя до черемисскаго города Кок-

¹⁾ Вейтереръ въ своей „Историч. очеркъ Вятской губерніи“ утверждаетъ, что они плыли по Чепцѣ на плотахъ. Онъ указываетъ также, что они проплыли устье Вятки по незнанію мѣстности и только, доплывши до устья Чусовой, увидѣли свою ошибку.

²⁾ Никулицынское городище находится въ 12-верстахъ отъ Вятки; въ немъ и теперь сохраняются еще рвы и валы.

³⁾ Въ Миллеровскомъ спискѣ прибавляется соображеніе, что они оставили основанный на Камѣ городокъ, „вѣроятно—потому, что опасались соседственныхъ болгаръ“.

шарова, начали штурмовать его, послѣ предварительной молитвы тѣмъ же угодникамъ Божиимъ. Угодники Божіи напустили на черемису видѣніе: черемисамъ, какъ они послѣ рассказывали, показалось, что, вмѣсто горсти русскихъ, на нихъ напало многочисленное войско. Устрашенные многочисленностью русской рати черемисы на другой же день разбѣжались въ разсыпную. Оставшіеся въ городѣ отворили ворота побѣдителямъ. Взятый городъ Кокшаровъ новгородцы переименовали въ Котельничъ (нынѣшній уѣздный городъ Вятской губерніи).

Возстановивъ чрезъ р. Вятку сношеніе между собою, обѣ половины завоевателей рѣшили построить общій, какъ бы уже областной городъ. Выборъ мѣста этого города указываетъ на ихъ естественный вкусъ. Они выбираютъ красивое мѣсто на высокой горѣ, обильное истекающими изъ горы источниками и стоявшее при устьѣ Хлыновицы, впадающей въ Вятку. По лѣтописи, самъ Богъ благословляетъ этотъ выборъ мѣста, ибо совершается слѣдующее чудо. Заготовленные нѣсколько выше по Вяткѣ лѣсные матеріалы въ одно утро сами, безъ всякаго содѣйствія рабочихъ, приплываютъ къ избранному мѣсту города. Основанный городъ названъ былъ Хлыновъ —нынѣшняя Вятка¹⁾. Въ немъ устроена была первая церковь во имя Воздвиженія Креста Господня. Жители Хлынова, начавшіе съ тѣхъ поръ прозываться вятчанами по имени р. Вятки, даютъ обѣтъ ежегодно 24 іюля, въ день взятія перваго города, приносить изъ Никулицына икону Бориса и Глѣба.

Областной городъ, помимо красоты мѣстоположенія, былъ удобенъ и въ стратегическомъ отношеніи. Онъ стоялъ на высокой крутой горѣ, у подножія которой, на восточной сторонѣ, протекала Вятка; съ сѣверо-запада же она осыпала его глубокой природной оврагъ. Вмѣсто городскихъ стѣнъ, жители стали ставить дома плотно одинъ къ другому, задними стѣнами на внѣшнюю сторону. Такой крѣпости на первый разъ достаточно было противъ туземцевъ. Потомъ,

¹⁾ Официально Хлыновъ сталъ называться Вяткою только съ 1780 г.

когда городъ наполнился русскими, приходящими сюда изъ Устюга Великаго, съ береговъ Двины и изъ разныхъ городовъ, выходящихъ близъ съ незащищенной природою сторожи глубокой оврагъ, а повдиге и острогъ, съ башнями и валами. И «Новгородцы распространишася и начаша жити по всей Вятской странѣ». Мало по малу стали возникать кругомъ Хлынова разные поселенія — погости и села, такъ что образовался уездъ.

Вѣрить сказанію летописца безусловно нельзя. Во первыхъ, потому, что онъ перепутываетъ по времени событія и впадаетъ въ погрѣшности противъ исторіи. Во вторыхъ, слишкомъ благочестивитъ изображаетъ удалякъ новгородцевъ (безъ поста и молитвы они шату не дѣлаютъ). На самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, благочестіе и характеръ первыхъ поселенцевъ Вятки далеко не таковы, какъ ихъ изображаетъ видимое кабожній летописецъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Прежде всего, самое путешествіе новгородской экспедиціи, разбуливающей въ XII в. по чуждой землѣ, какъ бы теперь, возбуждаетъ сомнѣніе. Новгородцы не только безопасно путешествуютъ по Волгѣ и Камѣ, но еще и основываютъ города на землѣ сильныхъ и воинственныхъ въ то время болгаръ, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ. Можно думать, что новгородцы обладали шайкой-шевидимкой, потому что ни ихъ длинное путешествіе по тремъ рѣкамъ, ни ихъ восьмидѣтнее пребываніе въ основанномъ ими на Камѣ городѣ рѣшительно не замѣчены были ниѣмъ. Г. Верещагинъ, не допускающій возможности подобнаго путешествія именно въ XII в., рельефно изображаетъ этотъ до крайности *молокый и безопасный* путь новгородцевъ. «Многие вельжскій Городецъ, — говоритъ онъ, — новгородцы спокойно вступаютъ въ предѣлы болгарскіе, плывутъ безостановочно по Волгѣ до Камы; здѣсь, *на болгарской землѣ*, строятъ городъ, точно на своей собственной территоріи; затѣмъ, ожидая еще лучшихъ мѣстъ, плывутъ и плывутъ, одни по Камѣ, другіе по Вяткѣ, и останавливаются только пото-

*

му, что имъ понравилась два инокородскихъ города, которыми они и овладѣвають по-суворовски». Необычайный волокъ или даже просто перевалъ отъ устья Чусовой до Чепцы можетъ вызывать еще больше сомнѣннй во всякомъ маломальски знакомомъ съ географическою картою ¹⁾.

Первая погрѣшность лѣтописца противъ исторнн (не говоря уже о друиикъ) та, что онъ, называя годъ и число взятнн Болванскаго города (1181 г., 24 юнн), указываетъ на побѣду Александра Невскаго надъ шведами, какъ на совершившееся уже событнн. Между тѣмъ некая побѣда надъ шведами совершилась значительно позднѣе, именно въ 1240 году. Въ означенный же лѣтописцемъ годъ Александръ Невскнй и не былъ еще рожденъ.

Въ счетъ лѣтъ событнн завоеванн вятскихъ городов, или что то же въ основанн русскими Вятки, лѣтописецъ ошибся ровно на двѣсти лѣтъ ²⁾. Это довольно ясно доказалъ А. С. Верещагинъ въ своихъ двухъ рефератахъ, читанныхъ имъ на Археологическомъ въ г. Ярославлѣ съѣздѣ. Приведенные имъ доводы для подтвержденн ошибки въ годахъ лѣтописца заслуживаютъ полного вѣроятнн ³⁾. По его предположенн, первоначальное русское населенн шло не съ устья въ Камы или Вятки, а съ сѣвера — изъ Устюга и съ Двины въ ея притоковъ, по торной дорожкѣ р.р. Юга, Моломы и Вятки.

Всѣ частности разсказа лѣтописца могутъ быть, съ

¹⁾ Карамзинъ въ своей исторнн старается уменьшить этотъ длинный перевалъ: онъ указываетъ, что новгородцы дошли по Камѣ до Осы. Такой перевалъ отъ Осы до Чепцы казался ему нѣсколько вѣроятнѣе.

²⁾ По мнѣнню г. Верещагина, эту ошибку могъ сдѣлать не составитель лѣтописи, а переписчикъ, написавъ вмѣсто 6882 года 6682-й.

³⁾ Первымъ и главнымъ доводомъ служить слѣдующнй: въ теченн 200 лѣтъ ни у одного изъ русскихъ лѣтописцевъ, записывающихъ самыя важныя событнн, не только нигдѣ не указывается на такое крупное событнн, какъ покоренн Вятки, но и не упоминается о Вяткѣ, между тѣмъ, какъ съ 1374 г. начинаютъ встрѣчаться чуть-ли не каждогонння новѣстнн о Вяткѣ. Второй доводъ: Болгары, идя въ 1218 г. для разореннн и взятнн г. Устюга, почему-то не тронуть на пути вятскнхъ города, оставая ихъ въ каму за собою. А это указываетъ, что вятскихъ городовъ тогда еще не существовало, и русской окраинной на сѣверо-востокѣ Росснн служилъ въ XIII в. Устюгъ, а не Вятка.

нѣкоторые вѣроятно, отвесены не къ 1174 году, а только къ 1374 г. Въ этомъ именно году въ первый разъ въ русскихъ лѣтописяхъ появляются сообщенія о набѣгахъ на Вятку. Въ Воскрес. лѣтоп. читася: «Идоша на низъ рѣною Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку и предше взыа Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и дана имъ откупа 300 рублевъ. И отгуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волгѣ къ Сараяу, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волгѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Марь-кванизъ и, перешедъ за Волгу, суды всѣ поскѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на коньскы, и много селя на Велгузѣ идуще пограбиша».

Съ этого времени набѣги новгородцевъ-ушкуйниковъ на Вятку и Волгу дѣлаются все чаще и чаще. Нѣкоторые изъ этихъ ушкуйниковъ, замѣтно, расселяются по Арской или что то же Вятской уже землѣ¹⁾. Если подъ Вяткою въ это время нужно разумѣть поселеніе по теченію Вятки однихъ только новгородцевъ, то эта Вятка, въ 1379 году, даетъ сильный отпоръ пришельцамъ, поселившимся среди нихъ. Въ этомъ году говорится «вятчане (впрочемъ, можетъ быть, и русскіе уже поселенцы) ходиша ратию на арскую землю и избива разбойниковъ-ушкуйниковъ и воеводу ихъ Ивана Рязана, изымавше, убива».

Этотъ отпоръ, данный туземцами-аборигенами Вятки, былъ хотя и сильный, но уже послѣдній, такъ какъ векорѣ послѣ того Вятская страна начинаетъ уже упоминаться, какъ принадлежащая уже русскимъ.

О слободахъ вятскихъ упоминается въ договорной грамотѣ въ 1428 г., а о городахъ, безъ обозначенія ихъ названій,—только въ 1434 г. Судя по сообщеніямъ «Степен. книгъ» въ 1456 г., первыми Вятскими городами были Орловъ

¹⁾ Подъ Арской землей надо, кажется, разумѣть не ту землю, которая лежала вѣднѣ нынѣшняго Арска (городъ Мезанъ губ.), а земли вотяковъ въ предѣлахъ Вятской губерніи, по преимуществу Слободского уѣзда. Князь Курбскій называетъ селенія вотяковъ арскими: «воптецкій або арскій». Костомаровъ подъ арскими князьями разумѣетъ также подьякѣ князей: «Арсіе князья, т. е. вотяцкіе князья».

и Котельничъ. Только въ 1459 г. упоминается тамъ же городъ Хлыновъ.

Несомнѣннымъ же Вятской лѣтописи является одно: начало покоренію Вятской земли положили новгородскіе выходцы, вѣрнѣе всего — ушкуйники. Они ввели здѣсь, по образцу Новгорода, вѣчевое управленіе, — о чемъ и упоминается въ повѣсти. «И тако новгородцы начаша общезнательствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жителями; и нравы своя отеческіе и заковы и обычаи новгородскіе имѣяху на лѣта многа до обладанія великихъ князей Россійскихъ».

Далѣе упоминается въ повѣсти о нападеніяхъ на Вятку русскихъ князей, приволившихъ съ собою большія рати. Какъ эти князья (близкихъ и отдаленныхъ городовъ) не старались покорить себѣ Вятку, попытки ихъ были безуспѣшны. Кромѣ русскихъ князей, вятчане подвергались нападеніямъ со стороны чуди, вотсковъ, черемисъ, также атарянскихъ народовъ: татаръ (вѣроятно, каринскихъ), бессерманъ, ногайцевъ и казанскихъ татаръ, приходящихъ съ Волги. Но всѣ эти непріязненные нашествія, по лѣтописи, разбивались о стойкость вятчанъ, хранившихъ свою независимость. «Вятчане многое утѣшеніе имущи и разореніе, воюеми многжды и никакоже обладаемъ быху», «творить вят. лѣтописецъ».

О мѣстномъ самоуправленіи Вятки Карамзинъ говоритъ слѣдующее: «Принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, Вятчане составили маленькую республику, особенную, независимую въ отеленіе двухсотъ семидесяти осми лѣтъ⁴⁾; наблюдая обычаи Новгородскіе, повинуясь сановникамъ и избираемымъ и духовенству».

Историкъ Востоковъ еще лучше описываетъ самостоятельность Вятчанъ: «Вятка — одна изъ всѣхъ русскихъ земель управлялась безъ князей; она сохранила чистое народоправство, и не пуждалась въ княжеской власти».

⁴⁾ Карамзинъ признаетъ годомъ основанія Вятки 1181; а годомъ прекращенія ея самостоятельнаго существованія 1459 г., при Василіи ІІІ.

VII.

«Хлы, хлы, хлы!» — Птичий крикъ, имѣвшій для Вятки нѣкое значеніе. — Составъ первоначальнаго населенія Вятки. — Несимпатичный характеръ его. — Сварливость и неуживчивость. — Гадливый и колочій поступокъ вятчанъ по отношенію къ новгородцамъ. — Нахива и грабежи; убійства и святотатства. — Въ дѣлѣ грабежа нѣтъ различія между врагами и союзниками. — Низкій поступокъ по отношенію къ плѣннику. — Презрительное средство исманія добычи. — Отношенія Вятки къ Москвѣ. — Подкупы и клеветопреступленіе. — Свѣтлая власть духовенства. — Вятскіе цоцы. — Произвольные браки. — Кто стоялъ на стражѣ духовныхъ и политическихъ интересовъ русскаго народа?

Вятскій лѣтописецъ указываетъ, что когда новгородцы построили областной городокъ, то не знали, какимъ именемъ назвать его. Какъ разъ въ это время надъ рѣчкой пролетала птица, которая и прокричала: «хлы, хлы, хлы!» По этому крику они назвали рѣчку, впадающую въ Вятку, Хлыновцею, а городъ наименовали Хлыновымъ. Можно думать, что крикъ дикой птицы былъ вѣщимъ. Онъ указывалъ, что первоначальное населеніе Вятки состояло изъ разнаго рода хлыновцев; сошедшихся сюда во имя одной вольности.

И дѣйствительно, первоначальными поселенцами былъ всякій сбродъ: бездомные повольники, ушкуйники, бѣжавшіе рабы, [Вятка издавна служила азилемъ *volgogit fugitivogum*, какъ выражается про нее Герберштейнъ], всякаго рода шестники и бродники, у которыхъ на рѣдкѣй были руки связаны. Здѣсь же они на просторѣ могли вольничать и творить, что угодно. «Основанная независимая Вятская община, говоритъ Соловьевъ, стала на сѣверо-востокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному: Берладу и Тмутараканю». ¹⁾ Костомаровъ, симпатично отнесшійся къ народоправству Вятки, выдвигаетъ слѣдующую сторону вятчанъ. «Въ Вяткѣ, говоритъ онъ, былъ гостепріимный пріютъ удалцамъ; тамъ происходили сборы на удалые выправы» ²⁾. Но похвала это, или порицаніе?

Хотя я и вятчанинъ, не скажу, что мнѣ крайне несимпатичными кажутся первые поселенцы Вятки; и я даже

¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева, т. III.

²⁾ «Сѣверн. народоправства», Костомарова.

радъ, что ихъ разсортировали въ послѣдствіи по разнымъ городамъ. Какъ ни грубы были въ прежнее время нравы русскихъ, но вятскіе поселенцы были какими-то вырожденками Русской земли. Нѣтъ сомнѣнія, что завоевателями Вятки были новгородскіе ушкуйники, а этихъ ушкуйниковъ лѣтописи называютъ не иначе, какъ разбойниками. Какъ у дѣсныхъ разбойниковъ, у вятчанъ не было никакихъ общихъ интересовъ съ Россією, ни понятій о чести и справедливости. Имѣя большую силу, они не участвовали ни въ Куликовской битвѣ, ни въ походахъ противъ Казани, которые предпринимали московскіе князья, начиная съ Дмитрія Донского. Общая сварливость вятчанъ проявилась въ томъ, что они рѣшительно ни съ кѣмъ изъ русскихъ соседей не могли ужиться въ мирѣ: ни съ двинянами, ни съ вологжанами, ни съ каргопольцами, ни съ бѣлозерцами, ни съ жителями береговъ Выми и Сысолы, ни даже съ своими союзниками устюжанами. Но самый гадливый поступокъ ихъ былъ по отношенію къ своей метрополи, Новгороду. Новгородъ естественно хотѣлъ считать завоеванную его выходцами Вятку своей колонією, но когда вятчане отказались отъ всякой къ нему зависимости, то оставшіеся въ Новгородѣ люди вознегодовали на нихъ зѣло, вадяще на нихъ княземъ русскимъ, нарицающе ихъ явь Новгорода бѣглецами. Что же дѣлаютъ, по вят. лѣтописи, вятчане за справедливое названіе ихъ бѣглецами? Въ отмщеніе за ихъ укоризны они распускаютъ про новгородцевъ гнусную слякню о томъ, что они, вятчане, живя въ Новгородѣ, вступили въ любовную связь съ ихъ женами и прижили дѣтей въ то время, когда мужья ихъ, по случаю войны, отсутствовали въ теченіе семи лѣтъ. Настоящія ужасныя холопы и съ холопыими чувствами!

Незаконная нажива и грабежъ стояли у вятчанъ на первомъ планѣ. Для этой цѣли они не только нападаютъ на болгаръ или татаръ, но и на русскіе города и селенія, жгутъ ихъ и предають опустошеніямъ, убиваютъ русскихъ, грабятъ церкви и тащатъ оттуда сосуды, книги, свѣчи. Хо-

рошо же ихъ благочестіе, которое расхваливаетъ вятскій лѣтописецъ! Въ дѣлѣ грабежа добычи они готовы соединиться съ кѣмъ угодно, и при этомъ не различаютъ ни своихъ враговъ, ни союзниковъ. Такъ они, въ 1455 г., соединяются съ предводителемъ вогуличей, Асыкою, который жестоко разорилъ пермскую землю. Но чрезъ 12 лѣтъ послѣ они нападаютъ на своихъ прежнихъ союзниковъ вогуличей и уведать взятаго въ плѣнъ Асыку въ неволю въ Вятку. Устюжане были частыми союзниками вятчанъ въ походахъ противъ болгаръ и татаръ, но на устюжанъ же послѣ болѣе всего и обрушиваются нападенія вятчанъ. «Вологда, Устюгъ, Двинская земля—говоритъ Карамзинъ—опасались сечь русскихъ норманновъ столько же, какъ и Болгарія».

Въ вятчаныхъ не было и той чести, какая знакома лѣснымъ разбойникамъ. Обыкновенно разбойники, взявъ выкупъ за плѣннаго, отпускаютъ его изъ неволи и даже сами сопровождаютъ его до безопаснаго для него мѣста. Вятчане поступаютъ иначе: они и выкупъ вымотаютъ отъ плѣнника, и изъ неволи его не выпускаютъ. Такъ случилось это, по лѣтописамъ, въ 1436 г., во время борьбы Василія II, Темнаго, съ Юріемъ Дмитріевичемъ, сторону котораго приняли вятчане. Вятчанамъ удалось однажды ночью выкрасть изъ палатки начальника московской судовой рати, ярославскаго князя Александра Брюхатого вмѣстѣ съ его княгиней. Когда за отпущеніемъ вятчанамъ потянулись, то они приставили къ плѣнникамъ топори и копыя, говоря, что если хоть одинъ московскій воинъ пуститъ стрѣлу, то они убьютъ ихъ. Пришлось князю уговаривать своихъ, чтобъ не стрѣляли и не преслѣдовали похитителей. Князь за выкупъ себя и своей княгини посулилъ вятчанамъ дать громадный выкупъ въ 400 руб. Вятчане согласились на это. Послано было въ Ярославль за деньгами, и княжій казначей принесъ сполна обѣщанную сумму. Вятчане выкупъ взяли, а всетаки князя съ княгиней не выпустили и потащили съ собой въ неволю въ Вятку. Имѣли-ли они хотя какое-нибудь понятіе о чести?

Святотатства безъ заврѣнія совѣсти въ русскіяхъ

церквахъ, вятчане въ отношеніи татаръ вели себя еще хуже: они не довольствовались разореніемъ ихъ городовъ, но въ иснаніи добычи они расхищали гробы умершихъ ¹⁾. Все это, можетъ быть, единичные случаи, но по своей зловокуинности они далеко не лестно характеризуютъ первоначальныхъ поселенцевъ Вятки. Можно представить себѣ, насколько было ихъ самоуправленіе или такъ восхваляемое Костомаровымъ народоправство ²⁾.

Единственно похвальнымъ качествомъ вятчанъ служило то, что они всѣми силами отстаивали свою независимость и самостоятельность. Но и это желаніе свободы едва ли не вытекало изъ побужденія — моему праву, никто не препятствуй. Московскаго владѣтельства, съ его порядками и узаконеніями, они боялись болѣе всего. Отношенія Вятки къ Москвѣ были всегда враждебны. Я не буду здѣсь подробно касаться отношеній вятчанъ къ московскимъ князьямъ. Скажу кратко: Москва умѣла не разъ смирять необузданныхъ вятчанъ. Посылаемыя на Вятку съ ратію воеводы вятчане старались подкупить добрыми «поминками», давая въ то же время крестное дѣлованіе быть на всей волѣ московскихъ князей. Но это крестное дѣлованіе имъ было очень почетно: они не разъ ему измѣняли. Василий III Ивановичъ, однако, заставилъ уже въ 1459 г. вятчанъ быть данниками Москвы и располагать ихъ воинскими силами.

Въ исторіи русской царившій Филаретъ Черниговскаго указываетъ, что вятчане порушили власть надъ своей республикою духовенству. Если это дѣйствительно такъ было, то можно поздравить вятское духовенство: съ тѣмъ, что оно

¹⁾ Соф. Временникъ, годъ 1472 г.

²⁾ О внутреннемъ управленіи Вятки не сохранилось никакихъ документовъ. Но изъ двѣтиписей видно, что вятчане не всегда повиновались своимъ начальникамъ или «ватаманамъ», заставляя послѣднихъ быть, противъ желанія, орудіями общественной воли. Такъ, въ 1486 г. воевода ихъ Костя Юрьевъ, сторонникъ Москвы, не хотѣлъ вести полкъ вятчанъ для огражденія усюдскаго города Осиновца, но его заставили вести. Помощію хитрости ему удалось, однако, сбѣжать отъ своихъ въ Осиновецъ, а оттуда и въ Москву. Объ этомъ и о другихъ «вожахъ» есть очерки, подъ заглавіемъ: «Замѣчательныя, но забытые вятчане», Верещагина.

рѣшительно не имѣло никакаго благотворнаго вліянія на нравственность своихъ пасомыхъ и подчиненныхъ. Духовенство это подтвердило только русскую пословицу: наковъ попу, таковъ и приходъ. Вятскіе попы набирались невѣдомо откуда. Они только, замѣто, дѣлали дурнымъ и истиннымъ своей паствы. Казнь видѣли изъ грамотъ московскихъ митрополитовъ, эти попы готовы были обвинять кого угодно: хоты на родной сестрѣ; церковныя правила ими веноравливались; они вѣнчали и въ четвертый, и даже седьмой браки. Хорошо было, значить, имѣюще и свѣтскую власть духовенство!

Не вятское духовенство съ его свѣтскою властію было на стражѣ духовныхъ и даже политическихъ интересовъ русскаго народа, а московское. Среди Москвы появлялись действительные великіе святители, которые были озабочены мыслию о блаженіи русскаго народа въ одно цѣлое и внушали этому народу высокіе духовные идеалы. Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какъ эти святители рѣшились и бѣжали и одалской вятской паствѣ, сурывавшейся за непроходимыми горами и дебрами.

VIII.

Малочисленный народъ Вятки, управляемый вѣковыми князьями, бѣдѣхъ и нуждъ, однихъ деревенныхъ разбойниковъ и оахъкъ единодомовниковъ.

Карамзинъ.

Мирные пути.—Грамоты московскихъ митрополитовъ, характеризующія вятчанъ.—Посланіе къ нимъ св. Іоанъ.—Два посланія Геронтія.—Изгнаніе изъ Вятки вѣнкованіемскаго наместника.—Московская обнова.—Неславные Вяткою гости.—Тяжелый дѣдъ вятчанъ.—Удѣлимъ.—Нежедавіе, дѣдъ, растется со своею вольностью.—Мышка и кошка.—Взятіе Хлынова.—Разселеніе вятчанъ по разнымъ городамъ.—Казнь вятскихъ коноводовъ.—Границы прежней Вятской земли.—Всеяныя доблести вятчанъ.—Новое населеніе Вятки и характеръ ея.

Въ то время, когда московскіе князья старались силою оружія обуздать своевольныхъ и непокорныхъ вятчанъ, московскіе святители хотѣли увидѣть это дѣло мирнымъ пу-

темъ, чрезъ посредство слова и увѣщанія, заботясь прежде всего о подчиненіи Вятской церкви власти епископской.

Сохранились два посланія московскаго митрополита: одно — св. Іоны и другое — Геронтія. Оба эти посланія характеризуютъ вятчанъ съ дурной стороны. Св. митрополитъ Іона, блиско знавшій вятчанъ, въ своемъ посланіи къ нимъ, въ 1452 г., напоминаетъ имъ о шести крестныхъ дѣлованіяхъ, которыя они давали великому князю въ небольшой промежутокъ времени. Святитель заклеймилъ вятчанъ названіемъ «злыхъ и кровопролитныхъ челоувѣкъ». О вятскомъ духовенствѣ онъ пишетъ: «зовущеса священники, священства своего не знали».

Митрополитъ Геронтія, въ княженіе Іоанна III, Васильевича, отправилъ къ вятчанамъ двѣ укоризненныя и вмѣстѣ увѣщательныя грамоты: одну духовенству, другую жителямъ Вятки. Въ посланіи къ вятскимъ священникамъ митрополитъ даже сомнѣвается, дѣйствительно ли они духовныя лица. «Мы не знаемъ — пишетъ онъ — какъ васъ называть; не знаемъ, отъ кого вы получили поставленіе и рукоположеніе». Затѣмъ святитель укоряетъ ихъ, что ихъ духовныя дѣти, вятчане, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ (кто же въ этомъ виноватъ, какъ не священники?): женятся они, будучи во сватовствѣ и родствѣ, иные совокупаются четвертымъ, пятымъ, шестымъ и даже седьмымъ бракомъ». Изъ посланія видно, что вятскіе священники и знать не хотѣли никакого епископа. Въ концѣ посланія митрополитъ грозитъ этимъ «зовущимъ себя священниками, игуменами, попами, діаконами и черноризцами», что если они не познаютъ святителя, то на нихъ наложится тягость церковная, т. е. отлученіе отъ церкви.

Посланіе къ вятскому народу обращено на имя «воеведъ, атамановъ и всего Вятскаго людства». Это посланіе еще болѣе живописуетъ нравы и обычаи вятчанъ. «Вы — пишетъ митрополитъ — только что заветесь христіанами, а дѣлаете, одна алия дѣла: обидите святую соборную, апостольскую церковь, русскую митрополию; разоряете церковныя

законы, губите своему государю великому князю, кристаете къ его недругомъ, соединяетесь съ югаными (т. е. татарами), воеуете его отчину (т. е. принадлежашіе Московѣ селенія и города), губите христіанъ убійствомъ, пономомъ и грабежомъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ куанъ (сосуды и другія металлическія вещи), книги и свѣчи, да еще чедомъ не бьете государю за свою грубость». Онъ грозилъ имъ, въ случаѣ непослушанія, что онъ прикажетъ священникамъ затворить всѣ церкви и выйти прочь изъ Вятской земли, на которую наложить проклятіе.

Но и эти посланія и грамоты московскихъ іерарховъ, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли силы для вятчанъ, истуксившихся уже въ ложной присягѣ. Вятчане, хотя и охотно помогали Іоанну III, усмирять новгородцевъ, почитавшихъ ими за истонныхъ своихъ враговъ, но сами не извѣявали великому князю покорности. Когда посланъ былъ къ нимъ московскій намѣстникъ, то они этого великокняжескаго уполномоченнаго прогнали прочь отъ себя. Оставалось великому князю одно — докончить съ Вяткою силою оружія.

Съ этою цѣлію Іоаннъ двинулъ, въ 1489 г., противъ Вятки сильное войско, состоящее изъ 64 тысячъ. Предводителями назначены были князь Данило Шеня и Григорій Морозовъ. Московское войско составлено было преимущественно изъ сѣверныхъ сосѣдей вятчанъ (именно: устюжанъ, двинянъ, вологжанъ и проч.). Всѣ эти сосѣди немало, уже терпѣли отъ набѣговъ и разоренія вятчанъ и охотно шли противъ нихъ съ желаніемъ отомстить своимъ извѣстнымъ недругамъ. Іоаннъ III, имѣвшій уже нѣкоторую власть надъ Казанью, приказалъ царю казанскому Махмедуину прислать вспомогательное войско. По этому требованію 700 казанскихъ татаръ, предводимыхъ Уракомъ, явились 2 августа и соединились подъ Котельничемъ съ московскими воюдами. Страшная московская сила онустонительной грозой ирошла по Вятской землѣ. Городъ Котельничъ первый попыталъ эту прову. 16 августа московская сила появилась подъ Хлыновомъ. Жи-

тели этого города не ожидали, чтобы столько незваных гостей, хотя и старых знакомых имъ, явилось у нихъ подъ стѣнами. Сопротивляться было уже невозможно. Вятчане потребовали прибѣгнуть къ прежнему средству—подкупить воеводъ и заискать ихъ милость. Съ этою цѣлю они выслали воеводамъ хорошіе поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали хлнновцамъ опасъ только до другого дня. На другой день вельможи Вятки вышли изъ города, поклонились воеводамъ и сказали: «Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань и службу даемъ». Воеводы отвѣчали: «цѣлуйте крестъ за великаго князя (т. е. дайте ему присягу на подданство) и выдайте трехъ вашихъ измѣнниковъ и крамольниковъ». А этими крамольниками, поддерживающими смуту въ народѣ и убѣждавшими вятчанъ къ непокорности князьямъ московскимъ, были слѣдующіи лица: Иванъ Овиніевъ, Нахомій Лазаревъ и Пашка Богодайщниковъ. Вятчане сказали на это: «дайте намъ орочу до завтра». — «Даемъ», — отвѣчали воеводы и отпустили ихъ.

Вятчане поняли, что отъ нихъ неудовольствуются уже ни данью, ни службою: приходилось навсегда проститься съ прежнею вольностію. А это было, разумѣется, и тяжело, и больно... Народные вожди трепетали уже за свою участь, зная, что имъ, въ случаѣ выдачи, не спосить своихъ головъ на плечахъ. Для нихъ особенно тяжелы были эти дни: и ночи колебаній, раздумываній и общаго смятенія..

Проходить день, а отъ вятчанъ нѣтъ отвѣта; проходитъ и другой, противъ уже условія, и также нѣтъ никакого отклика. Воеводы, вѣроятно, понимали душевное состояніе вятчанъ и терпѣливо ждали. Наконецъ, на третій день, явилась отъ вятчанъ категорическій отказъ. Мышка, попавшая пока на слабнѣе еще зубы кошки, захотѣла въ послѣдній разъ встать предъ кошкой на дыбки и убѣжать. Но изъ мятой доселѣ лапки кошки показался и острый ноготокъ...

Воеводы перестали уже церемониться съ непокорною Вяткою. Все войны принялись, по указу воеводъ, за дѣло. Теревяганы жилища вятчанъ легко было сокрушить огнемъ.

Орудія для взятія города были уже готовы: объ этомъ особенно поусердствовали раздраженные сосѣди вятчанъ. Каждые пятьдесятъ ратниковъ таскали уже по двухсаженному плетню, другіе несли смолу и бересту. Вскарабавшись на высокіе плетни, они начали чрезъ стѣны города бросать огненные приметы. Загорѣлась Вятка, загорѣлось и сердце вятчанъ, но дѣлать было нечего: плетью обуха не перешибешь. Принялось поневолѣ уступить.

Вятчане отворили ворота, ударили челомъ и выдали трехъ требуемыхъ крамольниковъ; отстаивавшихъ вольности вятскую. Воеводы приказали выданныхъ коноводовъ заковать въ цѣпи и отдать подъ наблюденіе устюжанамъ, которые со всею зоркостію стерегли своихъ бывшихъ грабителей.

Воеводы дѣйствовали уже по плану Іоанна III. Въ карманѣ у нихъ кралась уже наказъ, что дальше дѣлать съ Вяткой. 1 сентября повели плѣнное населеніе Вятки въ московскіе предѣлы¹⁾. Великій князь велѣлъ ихъ расселить въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, гдѣ имъ даны усадьбы и земли. Торговыхъ же людей поселили въ Дмитровѣ. Вятскихъ коноводовъ привезли въ Москву и расправились съ ними жестоко: ихъ приказано высѣчь сначала плетнемъ, а потомъ повѣсить. Драть съ одного вола по двѣ и болѣе шкуры позволялось тогда народными обычаями. Вместе съ плѣнными воеводы захватили и арскихъ, т. е. вотяцкихъ князей, вѣроятно имѣвшихъ какое-либо значеніе въ вятской землѣ. Но Іоаннъ III не считъ ихъ для себя опасными; взявъ отъ нихъ обѣщаніе охранять вѣрность ему, отпустилъ ихъ домой съ миромъ.

Такъ пала Вятка, князь самостоятельная область, основанная на дебряхъ и болотахъ, между Камой и Югомъ, устье мѣль Вятки и Сисолою. Вятскія земли первоначальныхъ обитателей изъ мѣстъ привольныхъ, Вятка первая внесла въ этотъ край

¹⁾ Въ летописяхъ говорится: „въ сей Сомень день (т. е. подъ 1 сентября) съ Вятку развели“. Карамзинъ разумѣетъ подъ этия слова посылку населеніе Вятки; а только „парочныхъ (вятскихъ) земскихъ людей, гражданъ, унцовъ съ жнами ихъ и дѣтьми“. Томъ VI.

кой-какую гражданственность и нѣкоторыя начала христіанства. Въ военныхъ доблестяхъ вятчанъ нельзя было и сомнѣваться: они отличались смѣлостію, предприимчивостію, отвагою и изворотливостію. Ихъ ловкость была изумительна: они были хорошими пластунами, ищейками и проворными судоходами. Никто изъ русскихъ не умѣлъ такъ быстро нестися по водѣ на вятскихъ «зѣло скороплавающихъ корабляхъ», какъ они. Ни одинъ болгарскій или татарскій набѣгъ на ихъ область не оставался безъ должной отместки. Полагаясь на свои собственныя силы, Вятка никогда не прибѣгала къ исканію чужеземной помощи, — какъ это дѣлалъ господинъ Великій Новгородъ. Помянемъ же прежнихъ вятчанъ добромъ и извинимъ имъ многое во имя прежнихъ господствовавшихъ повсюду грубыхъ нравовъ... Пускай потомки этихъ вятчанъ, расселившіеся по разнымъ городамъ нашей имперіи, совершенствуются въ добрѣ и сохраняютъ свою отвагу на защиту общаго всѣмъ отечества.

Новое населеніе Вятки, смѣнившее прежнее, «писалось вѣрными слугами великому князю московскому». Оно слѣдовало иному уже строю и положило начало прочной гражданственности. Нѣтъ сомнѣнія, что оно отличалось дѣйствительнымъ благочестіемъ, вполне повинувшее въ духовномъ отношеніи своимъ пастырямъ-владыкамъ. Въ лѣтописяхъ есть указаніе, съ какою радостію оно встрѣчало въ 1674 г. назначеннаго въ Вятку архіерея Іону. «И обрадовашася вятскіе страны жителіе своему владыцѣ, яко Богу, и срѣтоша его честно и богоугодно». Преосвященный Іона оправдалъ ихъ надежды. До сихъ поръ въ Хлыновѣ понятія не имѣли о каменныхъ зданіяхъ. При Іонѣ выванными изъ Москвы мастерами сооружены были въ Хлыновѣ семь каменныхъ церквей¹⁾. Своей ревностію о благочестіи и примѣ-

¹⁾ Въ числѣ каменныхъ церквей устроенъ былъ главный храмъ во имя Успенія Божіей Матери въ мужскомъ монастырѣ, основанномъ въ концѣ XVI столѣтія преподобнымъ Трифономъ. Трифонъ не былъ уроженцемъ Вятскаго края. На 22 году принявъ схиму въ Пискорскомъ монастырѣ, ахъ долгое время жилъ въ Пермскомъ край. Вся жизнь его была — непрерывные труды, великія и подвиги христіанскіе. Узнавъ, что на Вяткѣ нѣтъ иноческаго житія,

ромъ собственной жизни архипастырѣ этотъ ¹⁾ оставилъ въ жителяхъ о себѣ память, какъ о святомъ человѣкѣ. Есть большое основаніе полагать, что набожный вятскій лѣтописецъ жилъ во время управленія Іоны вятскою и пермскою епархіею и потому судилъ о благочестіи первыхъ поселенцевъ Вятки по современному состоянію жителей, съ благоговѣніемъ отправлявшихъ всѣ крестные ходы.

Трифонъ оставилъ Пермь и черезъ Чердынъ, Кай и Слободской пришелъ, въ 1580 г., въ Хлыновъ, съ намѣреніемъ основать здѣсь обитель. Жители Хлынова въ началѣ не совѣтъ даскою приняли его. Но вскорѣ искренняя доброта и его смиреніе внушили къ нему общее уваженіе, и тогда то онъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Первою церковью въ основанномъ Трифономъ монастырѣ была церковь во имя Благовѣщенія. Кончина Трифона последовала 8 октября 1614 г. Черезъ 70 лѣтъ послѣ его кончины, когда стали строить каменную церковь, пришлось перенести его гробъ въ часовню. При этомъ перенесеніи архіепископъ Іона освидѣтельствовалъ тѣло умершаго. Мощи Трифона оказались въ нетлѣнн, риза и схима невредимы, подишь на скимѣ сохранилась. Мощи Трифона погребены были въ новую гробницу.

¹⁾ Іона былъ возведенъ въ санъ архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, и это званіе за вятскими преосвященными удерживалось до 1733 г.

IX.

Идутъ къ иконѣ Борису и Глѣбу
Георгій епископъ.

Вятское присловье.

Внимать къ еднородности иконописан-
набождося, вчитываться въ омажесть это
живой летописи и поучаться дивному кра-
сивому родной страны подъ всепримолитель-
нымъ перстомъ Вожики,—это въ высшей
степени поучительно, благотворно и отрадно
для вѣрующаго сердца.

Архимандритъ Госифъ.

Обиліе крестныхъ ходовъ въ Вяткѣ, какъ одномъ изъ старинныхъ русскихъ городовъ.—Пересмотръ побудительныхъ причинъ крестныхъ ходовъ и сдѣланное завѣщаніе вятскаго епископа.—Первое появленіе въ Вяткѣ церковной литературы.—Заповѣдальность для историковъ сдѣланныхъ записей.—Значеніе народныхъ преданій и легендъ.—Стариннѣйшій въ Вяткѣ крестный ходъ.—По случаю какого событія присоединили къ иконѣ Бориса и Глѣба икону Георгія побѣдоносца.—Святлая мысль въ двухъ крестныхъ ходахъ.—Симпатичная черта въ характерѣ русскаго народа.—Ношеніе желѣзныхъ стрѣлъ въ крестномъ ходѣ.—Ночная религіозная церемонія въ с. Волковѣ.—Легенда объ иконѣ „Спасъ Колотый“.—Оправдывающія эту легенду названія урочищъ.

Вятскій летописецъ, вмѣстѣ съ сообщеніями о завоеваніи, основаніи и заселеніи Вятки, повѣствуетъ подробно о построеніи первыхъ ея церквей и установленіи крестныхъ ходовъ. Дѣйствительно, Вятка, какъ и другіе древніе русскіе города, отличается множествомъ крестныхъ ходовъ, которые установлены по религіознымъ побужденіямъ, вслѣдствіе историческихъ событій, или особенныхъ чудесныхъ знаменій.

Время, когда установлены эти крестные ходы, неизвѣстно. Летописецъ нѣотдѣ не въ нихъ пріурочиваетъ въ самому началу Вятки, основанной, будто бы, еще въ концѣ XII столѣтія. Когда преосвященный Іона прибылъ въ Хлыновъ для управленія Вятскою епархією, эти крестные ходы уже существовали и отправлялись съ большою торжественностію. Онъ обратилъ вниманіе на источникъ и побудительныя причины къ установленію оныхъ и, убѣдись, что въ учрежденіи крестныхъ ходовъ нѣтъ никакого суевѣрія и корыстныхъ видовъ духовенства, не только утвердилъ ихъ, но даже сдѣ-

завѣщаніе совершать эти ходы и будущимъ своимъ преемникамъ. «За благословеніемъ архіерейскимъ» начинать съ того времени среди духовенства появляться записи о церковныхъ событіяхъ, основанныхъ на мѣстныхъ преданіяхъ. «Во всякомъ случаѣ, говорить г. Верещагинъ, такія записи были уже очень позднія, слишкомъ отдаленныя отъ времени событій, при чемъ самыя преданія, конечно, видоизмѣнялись, преувеличивались, относились ко времени древнѣйшему, чѣмъ самыя преданія»¹⁾. Для историковъ такія записи о древнихъ событіяхъ имѣютъ, дѣйствительно, ничтожную цѣну.

Согласно сдѣланному заглавію, я буду сообщать всенія преданія, не входя при этомъ въ критическій разборъ и оцѣнку лановыхъ. Преданія и легенды, какъ я думаю, помимо той или другой степени ихъ достовѣрности, уясняютъ намъ воззрѣніе народа и самый духъ народный. Религіозная же сторона преданій имѣетъ, на мой взглядъ, еще болѣе глубокой смыслъ. Она указываетъ настроеніе жителей известной мѣстности, наменяетъ на иснаніе въ известную эпоху идеаловъ въ жизни, которыми пронизается и жьвь бываетъ народъ. Безъ этихъ идеаловъ, въ какой бы своеобразной формѣ они ни выражались, существованіе народа было бы крайне бѣднымъ, пустымъ и, пожалуй, легко бы опоплилось. Поэты, воплощающіе народные идеалы, пользуются справедливо заслуженною славой.

Первый и самый стариннѣйшій крестный ходъ въ Вяткѣ есть, несомнѣнно, тотъ, который совершается изъ села Никулицина въ Вятку. По сообщенію вятскаго лѣтописца, онъ установленъ по обѣту новгородскихъ выходцевъ, приступавшихъ къ слабымъ силамъ, ко вадтію Чудскаго Бол-

¹⁾ Г. Верещагинъ, въ прилчаніи къ своимъ двумъ рефератамъ, высказываетъ догадку, что, быть можетъ, и самый Вятскій лѣтописецъ составленъ былъ, за благословеніемъ архіерейскимъ. Въ той истинности, съ которою лѣтописецъ 4 раза упоминаетъ въ своей краткой повѣсти о крестныхъ ходахъ, г. Верещагинъ усматриваетъ предвзятую мысль лѣтописца, именно: уяснить вѣщаніямъ, что крестные ходы, совершаемые въ Вяткѣ, учреждены по поводу самыхъ замѣчательныхъ на Вяткѣ событій.

вановскаго города. Объ этомъ обѣтѣ и установленіи хода на вѣчныя времена лѣтописецъ говоритъ въ яркихъ и образныхъ выраженіяхъ. «И обѣщашася святымъ страстотерпцемъ княземъ российскимъ Борису и Глѣбу вселѣтнюю память творити, образъ ихъ, святой съ Никулицына въ градъ Хлыновъ приносить и кругъ града хожденіе чинити и праздновати честнѣ, дабы долгими лѣты и времена незабвенны были бывшія чудеса о поселеніи ихъ на Вяткѣ, еже и до нынѣ тое память обновляюще по вся лѣта празднующе». Самый тонъ рѣчи лѣтописца, возвышенный и степенный, указываетъ, на мой взглядъ, и его благочестіе, и уваженіе къ тому, что онъ почитаетъ для себя за одинъ изъ его идеаловъ.

Вскорѣ къ этому ходу присоединился Волковскій крестный ходъ, съ ношеніемъ иконы Георгія Побѣдоносца. Это установленіе имѣло также историческую подкладку.

Когда Хлыновъ наполнился жителями, то устроились около него три погоста: Волковскій, Воскресенскій и Богоявленскій. Эти-то слабо заселенные русскими погосты и подверглись нападенію туземныхъ инородцевъ. Вотакі и черемиса, сначала испуганные и обезкураженные внезапнымъ нашествіемъ русскихъ пришельцевъ, мало по малу пришли въ себя и, соединившись вмѣстѣ, рѣшились вытѣснить вятчанъ изъ занятыхъ ими мѣстъ. Съ этой цѣлію они внезапно напали сначала на Воскресенскій и Богоявленскій погосты и разрушили ихъ дома. Но въ Волковскомъ погостѣ они встрѣтили со стороны русскихъ сильный отпоръ и понесли поражение. Побросавъ здѣсь свои стрѣлы, они съ ужасомъ бѣжали въ свои селенія. При этомъ добавляется въ статьѣ архимандрита Іосифа ¹⁾, что они, будто бы, въ такой степени убѣдились въ могущество въ пришлыхъ насельниковъ, что уже не рѣшались послѣ нападать на Хлыновъ и не смѣли помышлять объ изгнаніи ихъ. Кому и чему приписать было чудесное избавленіе горсти русскихъ отъ соединеннаго на-

¹⁾ Его статья: „О престныхъ ходахъ Вятскихъ“, напечатанная въ „Памятной книгѣ Вятской губерніи“ за 1870 г.

шествія иноижеменниковъ? Разумѣется, не себя, не своему мужеству и отвагѣ, а чудесной помощи св. Георгія, имени котораго посвящена церковь. Съ этою цѣлю установленъ былъ новый крестный ходъ съ иконою Георгія Побѣдоносца въ Хлыновъ. «И ради частаго нашествія чуди, отяковъ и черемисъ общаея вятскіе града Хлынова и увѣдныя жители великомученику, страстотерпцу и побѣдоносцу Георгію по вся лѣта подважды изъ села Волкова приносятъ образъ его святый во градъ Хлыновъ и встрѣчать со освященнымъ соборомъ и со всемъ народомъ со свящамъ и правдновать» — говоритъ лѣтописецъ. О. Іосифъ приводитъ и то соображеніе, какимъ руководился вятскій народъ при учрежденіи этого крестнаго хода. «Если св. мученики Борисъ и Глѣбъ завоевали мѣста для ихъ поселенія, то св. Георгій Побѣдоносецъ, такъ сказать, отстоялъ тѣ мѣста и навсегда упрочилъ за ними. Какая свѣтлая и утѣшительная мысль выражается крестнымъ ходомъ изъ селъ Никулицына и Волкова!» Помимо свѣтлой мысли, я усматриваю въ характерѣ вятчанъ общую всему русскому народу черту характера.

Эта національная и симпатическая черта заключается въ его христіанскомъ смиреніи, приписывающемъ всякія одержанныя побѣды небесной помощи. Рельефнѣе эта сторона выразилась въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда, по случаю избавленія Россіи отъ нашествія Наполеона, выбита была, по указанію Императора Александра I, медаль съ надписью: «не намъ, не намъ, а Имени Твоему». Въ прежнее время, за иконой св. Георгія, носили окованныя желѣзомъ стрѣлы, которыя непріятель побросалъ и которыя хранились въ Волковской церкви. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и лѣтописецъ. Но, вѣроятно, ношеніе этихъ трофеевъ побѣды признано неудобнымъ ¹⁾ и стрѣлы были отобраны, — о чемъ со-

¹⁾ Если бы въ Москвѣ и Петербургѣ носить за крестнымъ ходомъ всѣ трофеи, отбитые у непріятелей, какъ-то: значки, знамена, пушки, мортиры, ключи отъ взятыхъ русскими городовъ, то потребовалось бы для этого ношенія трофеевъ побѣды цѣлое войско. Если въ Россіи никогда не носились за крестнымъ ходомъ болѣе важныя трофеи побѣды, то какъ же могло случиться, что носили въ Вятскомъ крестномъ ходѣ какія-то ничтожныя, самоудальныя вятскія стрѣлы.

жалѣеть о. Иосифъ. Укаывая на недостатокъ особой торжественности этого хода, онъ съ удовольствіемъ останавливаетъ вниманіе на той ночной церемоніи, которая бываетъ въ с. Волковъ; при возвращеніи изъ Вятки крестнаго хода. «Въ это время зажигаются свѣчи въ рукахъ многочисленной массы, покрывающей все пространство отъ часовни до Волковской церкви (2 вер.), которая также освѣщается извнѣ и внутри; а всадники ставятъ зажженные свѣчи надъ головами лошадей. Такимъ образомъ, составляется движущаяся рѣка съ огненными волнами, среди которыхъ проходитъ въ церковь образъ св. великомученика Георгія. Чѣмъ темнѣе ночь и спокойнѣе погода, тѣмъ лучше образуется вѣблище».

Областается оказать объ одной прекрасной легендѣ, съ которой соединяется воспоминаніе объ одномъ историческомъ для Вятки событіи.

Хотя о. Иосифъ и говоритъ, что послѣ Волковскаго пораженія инородцы не смѣли уже помышлять объ изгнаніи русскихъ, но это не вполнѣ вѣрно: глухой ихъ протестъ, переходившій нерѣдко въ открытую борьбу, танулся, вѣроятно, цѣлыми вѣками. На это есть указаніе въ самомъ вятскомъ лѣтописцѣ¹⁾. Черемиса, болѣе воинственные, чѣмъ вотяки, нерѣдко тревожили вятскія селенія и города своими нападеніями и внезапными набѣгами, соразмѣряя свои силы съ силами защищающихся.

Одно изъ такихъ нападеній они сдѣлали въ 1609 г. на село Верховское (въ 85 вер. отъ Вятки): Жители этого села не въ состояніи были оказать должное сопротівленіе: село было начисто ограблено и опустошено; ограблена была и церковь, въ которой находилась особенно чтимая явленная икона Преображенія Господня. Въ числѣ награбленныхъ вещей черемиса захватили и этотъ образъ Спасителя. Но такъ какъ деревянная икона для черемисъ не предста-

¹⁾ Въ вятскомъ лѣтописцѣ часто указывается на неоднократность нападеній инородцевъ. „Наипаче же отъ чуди, оляковъ и черемисъ.... многое утѣннѣе имуще и разореніе, воюешн многожды“... Въ другомъ мѣстѣ говорится: ради частаго нашествія чуди, оляковъ и черемисъ“ и проч.

вляла никакой цѣнности, то они, расположившись на отдыхъ послѣ переправы чрезъ р. Великую, раскололи ее на три части и употребили вмѣсто мебели. Но едва только они сѣли на эти доски, какъ немедленно же были поражены слѣпотю. Не сознавая поруганія святыни, они сочли эти доски волшебными и въ страхѣ паническомъ побросали ихъ въ воду. Но это дѣйствіе не избавило ихъ отъ слѣпоты. Часть черемись, видѣвшихъ это чудо, побѣжала куда попало, а другая стала перебираться омушью, отыскивая себѣ дорогу. Находившіеся на лугу русскіе по оставленной на берегу части награбленнаго добра легко смѣтили о хищности бѣжавшихъ черемись. Они бросились за ними въ погоню. Слѣпыхъ черемись живо переловили; часть же бѣжавшихъ черемись, спасавшихся отъ преслѣдованія, погибла въ близъ лежащемъ болотѣ. Сохранившіяся доселѣ названія урочищъ— «Хватовщина» и «Гиблово болото»—свидѣтельствуютъ о мѣстѣ поимки и о мѣстѣ гибели черемись. Перенятая въ рѣкѣ доски священной иконы чудеснымъ образомъ сложились и какъ бы срослись, такъ что и теперь можно видѣть только шрамы на колотыхъ мѣстахъ. Отсюда и произошло названіе «Спасъ Колотый», данное иконѣ Преображенія. Благоговѣніе къ сему образу усилено было въ послѣдствіи по случаю многократныхъ чудесъ, явленныхъ предъ нимъ во времена моровыхъ повѣтрій. Эту-то святую и чудотворную икону приносятъ разъ въ годъ изъ с. Верховскаго въ Вятку.

Ж.

Вятскій крестный ходъ на р. Великую.—Время установленія хода и поводъ къ оному.—Два варианта легендъ о явленіи иконы Николая Великорѣцкаго.—Перенесеніе явленной иконы въ Хлыновъ и данный при этомъ обѣтъ.—Неисполненіе обѣта и наказаніе.—Первое ношеніе иконы въ Москву.—Чудо во время пребыванія иконы въ Москвѣ.—Особенности, отличающія шествіе иконы по городамъ.—Царскія украшенія этой иконы.—Вторичное ношеніе иконы въ Москву и новыя царскія украшенія этой иконы.—Описаніе Великорѣцкаго хода и впечатлѣніе, производимое онымъ.—Мѣстные обычаи при крестномъ ходѣ.—Революція вятскаго епископа Лаврентія.—Временное прекращеніе Великорѣцкаго хода.—Непонятый и неощущенный современниками пастырь церкви.—Дальнѣйшая исторія Великорѣцкаго хода.—Высочайшая резолюція Императора Николая I.

Въ предыдущей главѣ указавъ на три историческихъ крестныхъ хода, я сдѣлалъ бы непростительный промахъ, если бы не упомянулъ о Великорѣцкомъ крестномъ ходѣ съ иконою св. Николая чудотворца. Этотъ крестный ходъ самый многлюдный въ Вяткѣ, самый замѣчательный и глубоко почитаемый вятскими жителями. Хотя этотъ ходъ не имѣетъ за собою воспоминанія какого либо историческаго событія, тѣмъ не менѣе онъ важенъ уже тѣмъ, что выражаетъ собою идеальную сторону вятскихъ жителей, отличающихся, какъ я раньше упомянулъ, своею набожностію.

Время установленія этого крестнаго хода неизвѣстно. Съ большою вѣроятностію можно отнести учрежденіе Великорѣцкаго хода или къ началу XV в., или даже къ концу XIV. Поводомъ къ этому крестному ходу послужило нахожденіе чудотворной иконы св. Николая близъ р. Великой, въ рошѣ, надъ источникомъ. Въ древней рукописи Синодальной библиотеки¹⁾ составитель сказанія объ этой иконѣ говоритъ, что онъ не можетъ сказать, когда она явилась. Полагаютъ, однако, что явленіе иконы произошло въ княженіе Дмитрія Донскаго, въ 1383 г.,—на что указываютъ мѣстные церковныя записи²⁾.

¹⁾ Рукопись синодальной библиотеки, XVII в., № 410.

²⁾ Есть сказаніе о явленіи образа св. Николая въ двухъ редакціяхъ: одна болѣе древняя и простая, другая витиевата написанная, уже „за благословеніемъ архіерейскимъ“, т. е. уже въ концѣ XVII в., при преосв. Іонѣ. Въ позднѣйшей редакціи и встрѣчается указаніе на годъ явленія иконы.

Такъ какъ у архимандрита Юсифа, подробно описавшаго всѣ Вятскіе крестные ходы, почему-то не сообщается подробностей самаго событія—явленія иконы, то я расскажу это по другимъ источникамъ.

Хитрово въ журналѣ своемъ, писанномъ въ Вяткѣ въ 1811 году, такъ рассказываетъ объ этомъ явленіи, разумѣется по слухамъ. «Одинъ крестьянинъ, пригнѣчая сразу три ночи сѣніе въ лѣсу, вмѣстѣ съ товарищами рѣшился идти посмотрѣть, отчего происходитъ оное. Сколь велико было ихъ удивленіе, когда подѣ источника нашли они небольшой образъ, окруженный свѣчами. Изумленные симъ чудомъ, они погасили свѣчи и понесли образъ къ себѣ домой, желая на другой день объявить о семъ начальству. Удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда они поутру не нашли у себя образа. Они отправились опять на прежнее мѣсто, стали искать образа, однако не нашли и рѣшились дожидаться ночи. Когда наступилъ тотъ часъ, образъ и свѣчи снова появились; крестьяне пали на колѣна, и послѣ краткаго моленія побѣжали объявить о семъ чудѣ архіерею, который отправилъ туда все духовенство, чтобы поднять образъ и принести его въ городъ. Съ тѣхъ поръ сія икона творила много чудесъ надъ жителями больными и увѣчными»¹⁾.

Историкъ Костомаровъ, несомнѣнно имѣвшій подъ рукою письменные источники, рассказываетъ объ этомъ явленіи иначе:

«Черемиса препятствовали расселенію русскихъ. Однажды толпа поселенцевъ, хотѣвшихъ основаться на земляхъ нижняго Яранскаго уѣзда, подверглась ихъ нападенію. Русскіе бѣжали отъ нихъ и въ бѣгствѣ покинули образъ Николая чудотворца. Много времени спустя послѣ этого событія, въ 1883 г., какой-то поселянинъ зачинаетъ поселеніе близъ той горы, гдѣ покинуть былъ образъ, и избралъ себѣ

¹⁾ Изъ статьи Хитрово нужно принимать въ соображеніе только самый фактъ явленія иконы, рассказанный имъ по слухамъ или, что то же, по преданію. Сообщенія же Хитрова о желаніи крестьянина объявить начальству или архіерею не заслуживаютъ уже вѣроатія.

мѣсто для усадьбы на берегу ручья. Однажды онъ отравил-
ся въ лѣсъ за деревомъ и увидаль свѣтъ; онъ обнаружалъ об-
разъ; по этому признаку поселяннѣ наполь образъ и поста-
вили у себя въ новоотстроенной избѣ. Около него стали се-
литься другіе, заводилось и умножалось поселеніе. Тогда об-
разъ оказался цѣлебнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселя-
ннѣ стали стекаться богомольцы. Вѣсть объ этомъ дошла до
Хлыновскаго духовенства, оно стало помышлять, какъ бы
пріобрѣсти такое сокровище для города. Жители деревни
долго ни за что не уступали образа; едва городскіе жители
упросили ихъ уладить дѣло такъ, чтобы изъ Хлынова каждо-
годно совершать крестный ходъ въ эту деревню и прино-
сить туда образъ. Такимъ образомъ установлень былъ каждо-
годный крестный ходъ въ эту деревню, построенную на бе-
регу р. Великой.

Изъ этикъ двухъ разсказовъ видно, что явленіе иконы
Николая Чудотворца совершилось среди простого люда и при
особой обстановкѣ: необычайное сіяніе; окружавшее об-
разъ; и чудотворенію, восторгъ же исходящій отъ святой ико-
ны. Но ни тотъ, ни другой разсказчикъ, въ причинахъ пе-
ренесенія этой иконы въ Вятку, не согласуются съ сообще-
ніями лѣтописца, во всякомъ случаѣ болѣе древняго. При-
чина перенесенія иконы была самая простая: опасались на-
шествія черемисъ, которые могли похитить дорогую для
русскихъ святыню. «Слышавшіи люди города Хлынова о
многочудесномъ семъ образѣ и о закладеніи везирнѣхъ че-
ремисъ (которые могли бы похитить св. икону), совѣтъ благъ
о томъ всенароднѣ соверше, воскотъша той чудотворный
образъ съ Великія рѣки и взяти въ богоспасаемый градъ
Хлыновъ», — говоритъ лѣтописецъ. По этому общему и бла-
гому совѣту, святая икона перенесена и была съ благоговѣ-
ніемъ въ Троицкую церковь (нынѣшній наѣдральный соборъ)¹⁾.

¹⁾ Въ поддѣйшемъ сказаніи указывается на два чудотворно соверши-
лось при построеніи Великойрѣчной церкви, другое при перенесеніи иконы въ
Хлыновъ. Первое, что весьма сходно съ тѣмъ, о какомъ упоминаетъ вятск.
лѣтописецъ при построеніи Хлынова, второе же о томъ, что икона была

Не ради упрощиваній и не ради сдѣлки и условий съ крестными установленъ былъ крестный ходъ на р. Великую а ради особыхъ релігіозныхъ побужденій жителей, жеганшикъ въротно, помнить мѣсто явленія иконы и осветить воспоминаніе ея семь молитвенными дѣйствіями. Это ипроще, и естественнѣе, чѣмъ какая то искусственная сдѣлка съ крестьянами, не хотѣвшими уступить святиню на долю общую. Когда икона была перенесена въ Хлызовъ, тотчасъ же, въ чувствѣ духовной радости, и состоялось рѣшеніе «на вся лѣта съ любовруднымъ тщаніемъ ходити самимъ вмѣстѣ съ чудотворнымъ образомъ св. Николая на чудотворное мѣсто его явленія и по возвращеніи встрѣчати еро съ великою нестїю, со всенароднымъ торжествомъ» (1). Изъ лѣтописи видно, что вѣтские жители заурядинарѣ или похорѣлись однажды, предъ 1551 г., исполнить даванный обѣтъ — носить икону на р. Великую. За это и просидѣвало наказаніе Божіе: среди лѣта (съ 1. іюня по 12) повалился страшный холодъ, который угрожалъ и урожаешъ и погодомъ, и тогда «наки общаея по всея лѣта ходити неотлжно».

Служба бывающихъ предъ сею иконою чудотвореній (2) распространился не только по всей вятской землѣ и соседниѣ съ нею областяхъ, но и дошелъ до Москвы. Похорѣтели казанскаго царства, царь Иоаннъ Васильевичъ Грозный, пожелалъ видѣть и помолиться предъ иконою Николая Велікорѣцкаго, и она была принесена въ Москву въ 1557 г. (3). Пребываніе вятской святой иконы въ Москвѣ ознаменовано, по лѣтописи (4), слѣдующимъ чудомъ. Въ Москвѣ, въ память победы надъ Казанью, воздвигался Покровский соборъ на рву (нынѣшняя церковь Василія Блаженнаго). По плану въ этомъ соборѣ намѣчено было восемь приделовъ. Всѣ эти

1) Обо всѣхъ чудесахъ отъ иконы св. Николая, бывшихъ со времени появленія ея до 1711 г., записано въ рукописной книгѣ, хранимой въ Вятск. кафедр. соборѣ.

2) Въ сказаніи побѣдителямъ съю описана въ годъ пошевія иконы тамъ названъ, вмѣсто 1597 г., 1552 годъ. Въ своей статьѣ о Іосифѣ не исправилъ эту ошибку, согласно другимъ источникамъ, изъ коихъ онъ заимовалъ и название св. Юферевъ врем., годъ 1570 г. (См. вѣстникъ (ст. 1501) книги

придѣлы, при первоначальной постройкѣ, были уже обозначены и указаны имена святыхъ, которымъ придѣлы были посвящены. Противъ ожиданія строителей, вдругъ ясно обозначается самъ собою девятый придѣлъ, доведенный постройкой до той же степени, до какой доведены были восемь придѣловъ. Раздумывать долго о томъ, чьему имени посвящать чудесно явившійся придѣлъ, было нечего. Общій голосъ приписалъ это чудо находившейся въ Москвѣ вятской святой иконѣ, и девятый придѣлъ нарекли церковью Николая Великорѣцкаго. Самое шестое иконы по городамъ обозначено было какими то особенностями. Такъ, въ лѣтописи говорится, что св. угодникъ Николай, шествуя мимо Казани, по Москвѣ и Устюгу, «многихъ людей прощалъ»¹⁾. Царь сдѣлалъ щедрыя и богатые украшения къ этой святой иконѣ. На счетъ него царской казны устроены были новый позлащенный съ чернотью окладъ (ободокъ) къ образу св. Николая, а на самый ликъ угодника положена была золотая риза, украшенная дорогими каменьями.

Св. икона Николая Великорѣцкаго побывала два раза въ Москвѣ. По волю воеводинаго Михаила Федоровича, икона эта была, въ 1615 г., вторично принесена въ Москву. Кроткій и набожный царь, избравшій масомъ всего русскаго народа, закотѣлъ, съ своей стороны, сдѣлать украшеніе для святой и чудотворной иконы. Къ иконѣ была устроена золотой крестъ съ святыми мощами и надѣтъ убрусъ, ниванный жемчужомъ съ дробницами. Теперь умѣстно указать на проводы и встрѣчу иконы св. Николая и впечатлѣніе, производимое Великорѣцкимъ ходомъ. Описаній этихъ встрѣчается множество, но я выбираю изъ нихъ болѣе старинное, составленное Хитрово въ

¹⁾ Въ Арханг. лѣт. значится подъ 1557 г. слѣдующее: «Того же лѣта, послѣ Покрова въ седмой день, послѣ обѣда, стрѣчали со кресты устюжана въ семь городомъ у Воздвиженья Николу Великорѣцкаго: шелъ съ Москвы, отъ царя и великаго князя, а къ Москвѣ ѣздилъ съ Вятки; мимо Казань, и многихъ людей прощалъ по городамъ, и въ Москвѣ, и на Устюгѣ». Историкъ, Соловьевъ и г. Забылинъ, въ своихъ сообщеніяхъ о жездаревичѣ, Иванѣ, Клеопинѣ (1671 г.), переводятъ лѣтописное „прощалъ“ словомъ: „творилъ чудеса“.

1811 г. Сильный генерал-майоръ Хитрово видѣлъ проводы иконы на р. Великую, и это зрѣлище, замѣтно, произвело на него впечатлѣніе сильное. «Сія церемонія—пишетъ онъ—привлекаетъ множество набожныхъ людей и приноситъ церкви ежегоднаго дохода до нѣскольکو тысячъ рублей. Каждый годъ въ продолженіе шести недѣль¹⁾ носить образъ Стеченіе народа, сопровождающаго оный и приходящаго ему во срѣтеніе, чрезвычайно велико. Иногда болѣе 15 тысячъ человекъ²⁾; движимыхъ благочестіемъ, приходитъ сюда въ минуту отправленія, составляющаго великолѣпное зрѣлище на водѣ. Все духовенство шествуетъ въ процессіи до рѣки въ богатыхъ облаченіяхъ; шлюпка о 12 веслахъ, корошно и богато украшенная, ожидаетъ принятія образа и духовенства. Все пространство рѣки, въ минуту отплытія онаго, покрывается лодками, полными людей, слѣдующими за процессіей на разстояніи 25 верстъ. Стеченіе народа въ разныя одежды, звонъ колоколовъ во время шествія представляютъ зрѣлище плѣнительное. Наконецъ, смѣю увѣрить, что картина сія можетъ почесться единственною, и я не видалъ ни одной церемоніи духовной, которая могла бы сравниться съ ней. Положеніе мѣста, разнообразныя виды, рѣка на верету разливающаяся,—все это привело меня въ такое восхищеніе, котораго не можетъ изобразить слабое перо мое!»

Если большая часть жителей восхищается зрѣлищемъ Великорѣцкаго хода, то глубоко религіозные люди проникаются при этомъ совершенно иными чувствами и всего менѣе желаютъ, чтобы крестный ходъ представлялъ собою только одно зрѣлище для глазъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ вятскій епископъ Лаврентій I (1733—1797). Этотъ преосвященный глубже вникъ въ христіанскій смыслъ крестнаго хода и несочувственно отнесся къ Великорѣцкому ходу, представляющему одно только внѣшнее зрѣлище, безъ

¹⁾ Это не вѣрно: крестный ходъ съ иконою св. Николая продолжается всего только 7 дней.

²⁾ Теперь собирается народу на проводы иконы отъ 50 до 60 тысячъ человекъ.

воляго и внутренняго Содержанія и идеи, положенной при
установленіи этого хода. Къ такому несочувственному взгля-
ду побудили (духовнаго) вятскаго владыку, главнымъ образомъ,
нѣкоторые мѣртвые обычаи, придающіе крестному ходу не
только характеръ аріянца, но и пирищества. Надо замѣтить,
что во время семидневнаго ношенія святой иконы, всѣ со-
провождающіе на стругахъ икону, за немногими исключені-
ями, и корчилисъ на общій счетъ, т. е. на счетъ доброхот-
ныхъ даятелей. Для нихъ рѣзались бараны, приносимые
квашенцы, и подносилось пиво. Несмотря на то, что отпѣ-
ткіе иконы начались 21 мая, выборные старосты пригото-
вили судавы и съѣстные припасы, равно и вареніе шива,
еще съ начала мѣсяца. Вотъ эта то сторона крестнаго хода
и была по справедливости некріятна, прерошачающему Лав-
рентію. Когда струговой староста обратился къ нему съ
прошеніемъ о выдачѣ ему, заимобразно изъ церковныхъ
суммъ 500 руб. на заготовленіе матеріаловъ для струговаго
нѣзанія и на цѣлушную съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ во
время цули для богомольцевъ, то прерошаченный отказалъ
ему изъ этой просьбы, прибавивъ въ своей резолюціи слѣ-
дующія замѣчательныя слова: «Сей крестный ходъ, судя по
прежде бывшему учрежденію (съ съѣстными припасами), похо-
дилъ болыше на ивкое пирищество, а не истинное моленіе. Пер-
венствующая церковь учредила крестные ходы для общена-
роднаго моленія съ гѣмъ, дабы истинные богомольцы, со-
вожикъ смрениемъ и благоговѣніемъ приносили всемилости-
вому Богу теплыя молитвы, умилостивляли праведный гѣвъ
Божій, и, для того крестнымъ ходомъ всегда святой постъ
опослѣдбавать, а не пирищестно. Сообразуясь сему первен-
ствующія церкви, оному учрежденію, и ми поступать такъ
должны»). (Замѣть сдѣлаю было архіереомъ распоряженіе,
1890 г.) «Объ крестныхъ ходахъ вятскихъ». Въ статьѣ архіандрита Іосифа,
прекрасной во многихъ отношеніяхъ, встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія.
Тамъ, на стран. 64, говорится, что епископъ Лаврентій воспретилъ совершать
Вел. крестный ходъ, а на стран. 63 указывается, что этого запрещенія не
было, и было только указаніе на ивкореицу. Кроме того, въ статьѣ о. Іосифа
нѣтъ твердо и ясно выраженаго взгляда на распоряженіе епископа Ла-
врентія: онъ не то хвалитъ владыку, не то порицаетъ его.

чтобы на будущее время святой крестный ходъ на рѣку Великую совершаемъ былъ, во избежаніе большихъ расходовъ, сухимъ путемъ, а не водою, и чтобы богомольцы, во время этого пути, содержали себя на собственное издѣніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, народъ не понималъ идіотва хотѣлъ понять высокой мысли архипастыря, работавшаго о чистотѣ религіи, и перетолковалъ это по-новому. По крайней мѣрѣ, во все время управленія Лаврентія вятскою епархіею крестныхъ ходовъ на рѣку Великую не совершалось! Однимъ, вѣроятно, не правилось идти по непроштатной дорожкѣ, другіе негодовали на архіерея за то, что онъ лишалъ ихъ дарового угощенія. Само вятское духовенство было не на сторонѣ пресвященнаго и идіотскому наперекоръ, не поддержало ни одного изъ его благихъ начинаній.¹⁾ Хотя этотъ просвѣщенный архипастырь и оставался съ своими свѣтлыми взглядами и высокими религіозными убѣжденіями въ одиночку среди своей непросвѣщенной вятской паствы, не понятой и не оцѣненной своими современниками, тѣмъ не менѣе потомство начинаетъ уже оцѣнивать этого владыку, «крайняго невѣжества и суевѣрія противника». Во всякомъ случаѣ, личность Лаврентія глубоко симпатичная. Шотландскій историкъ Карлейль называлъ бы его шепремно: героемъ-пророкомъ или героемъ-поэтомъ, какъ онъ называетъ всѣхъ великихъ мужей и реформаторовъ. Вѣрнѣе всего назвать Лаврентія провозвѣстителемъ, ибо его мысль

1) Епископъ Лаврентій считался действительнымъ проповѣдникомъ того времени, и онъ первый изъ вятскихъ архіереевъ говорилъ проповѣди безъ приготовленія. Въ заботѣ своей объ образованіи вятскаго духовенства, онъ открылъ въ Вяткѣ Славяно-латинскую школу, вызвалъ для этого изъ Кіева достойныхъ учителей. Но это не понравилось духовенству. Вудучи строгой жизнью, онъ требовалъ того же отъ сердцахъ архаичныхъ. По сообщенію вятскаго историка Вештомова, пресвященный былъ особенно милостивъ къ бѣднымъ; во время голода, бывшаго въ Вяткѣ, онъ жертвовалъ даже и церковнымъ имуществомъ, говоря, что церковное имѣніе есть имѣніе бѣдныхъ. Въ Вяткѣ епископъ Лаврентій прожилъ только четыре года и три мѣсяца. Въ его краткой биографіи говорится: «Частовременныя огорченія, проявлявшіяся отъ несочувствія духовенства и народа учрежденію Латинской школы, преждевременно свели пресвященнаго въ могилу». Погребенъ онъ въ Вят. кафедр. соборѣ.

о чистотѣ вятскихъ крестныхъ ходовъ опередила цѣлое столѣтіе и осуществилась только въ царствованіе Николая I.

По смерти епископа Лаврентія, хлыновскіе посадскіе жители подали въ провинціальную канцелярію прошеніе, въ которомъ выражали глубокое сожалѣніе о прекращеніи столь древняго учрежденія (Великор. хода), на которое собирались жители сосѣднихъ областей, и просили о восстановленіи оного, по завѣту предковъ. Указомъ императрицы Анны Ивановны повелѣно восстановить прежнія богомоленія и установленныя крестныя ходы, не отмѣняя и не останавливая ничего. Снова началось съ ноября мѣсяца заготовленіе сѣбныхъ замасовъ и вареніе пива для *благочестивыхъ* богомольцевъ. Такое пиршество, со жратвою и питіемъ, не могла уже остановить, по силѣ высочайшаго указа, никакая власть въ Вяткѣ, ни духовная, ни свѣтская. Все пошло по прежней, развѣ протоптанной дорожкѣ..

Только уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія стало пробуждаться и въ Вяткѣ общественное сознаніе: появились въ столичныхъ газетахъ корреспонденціи изъ Вятки, осуждающія неумѣстные обычаи при крестномъ ходѣ, какъ напр. приношеніе, якобы въ жертву св. Николаю барановъ, живьемъ, закланія ихъ въблизи Великорѣдской церкви, похожее или напоминающее явическое жертвоприношеніе, посыпались и упреки вятскому духовенству, допускающему, ради корыстолюбія, подобное суетвѣріе. Въ виду возбужденныхъ толковъ интеллигенціи, вятскій губернаторъ И. П. Хомутовъ, въ 1839 г., сочелъ уже нужнымъ внести въ свой годовой отчетъ сообщеніе о бывающихъ неурядкахъ при Великорѣдскомъ крестномъ ходѣ. Постѣдовалъ запросъ вятскому преосвященному Неофиту и, послѣ даннаго послѣднимъ объясненія, дѣло доложено св. Синодомъ Государю Императору. Высочайшая воля Государя Николая I выражена была въ слѣдующихъ словахъ: «Не нарушая при семъ случаевъ древнихъ и укоренившихся обычаевъ, поколику оныя не противны правиламъ церкви, учинить распоряженіе, дабы тщательно устраниено было все,

что несообразно съ достоинствомъ богослуженія и съ святостію мѣста, и дабы обычай, соединенный съ набожностію, не былъ въ то же время соединенъ съ беспорядками, нечестотою и корыстными видами».

XI.

Новый фактъ изъ исторіи первыхъ вятчанъ, приводимый Рычковымъ.—Прологъ къ разсказу Рычкова.—Любопытное преданіе о помощи устюжанъ вятчанамъ.—Своя своихъ не познаша.—Междоусобная рѣзня.—Историческая справка по поводу разсказа Рычкова.—Разсорившіеся между собою вояки.—Передача факта въ новой, изукрашенной фантазіею формѣ.—Древній романъ съ трагическою развязкою.—Вятская «свистопляска», якобы означавшая поминки.—Предполагаемое соотношеніе Свистопляски съ народнымъ Семикомъ.—Народная прибаутка о томъ, какъ Семикъ ласкается къ своей невестѣ.—Сообщаемый Рычковымъ и Хитрово фактъ принимается на вѣру литераторами.—Высказанное по поводу сего справедливое сожалѣніе.

Н. П. Рычковъ, бывшій адъютантъ Академіи Наукъ, сообщаетъ въ своихъ «Дневныхъ запискахъ путешествія» еще новый фактъ изъ исторіи первоначальной Вятки. Но такъ какъ этотъ фактъ не упоминается ни въ одной изъ русскихъ лѣтописей, то сообщеніе о немъ нужно причислить къ области преданій.

«Въ лѣто 6899 (1391 г.) царевичъ Бектутъ, посланный отъ татарскаго царя Токтамыша—говорить Рычковъ,—пришедъ съ многочисленнымъ войскомъ, завоевалъ всю Вятскую страну и множество христіанъ плѣнилъ и умертвилъ, иные же спасли животь свой, откупаясь сокровищами; и такъ, разоривъ всѣхъ вятскихъ жителей, возвратился обратно, обогатясь корыстію побѣжденнаго народа».

Это изукрашенное немного сообщеніе о фактѣ нападенія Бектута на Вятку ¹⁾ служило прологомъ къ другому событію, о которомъ я разскажу.

¹⁾ Въ трехъ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 1391 годомъ, значится: «Царь Токтамышъ послалъ царевича, именемъ Бектута, на Вятку ратью; оны же шедъ взя Вятку, а люди посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе». Но нигдѣ въ этихъ лѣтописяхъ не упоминается о томъ, чтобы вятчане откупали жизнь себя помощію сокровищъ.

Когда вѣсть объ опустошеніи Вятки татарами достигла до устюжанъ, то они рѣшились отправить на помощь своимъ союзникамъ нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей. Эту помощь, какъ неожиданную, они захотѣли оказать спонтанно для вятчанъ и потому подошли къ г. Хлынову въ ночную пору. Но тутъ и случилось, какъ говоритъ Рычковъ, чудное и никогда неожиданное несчастіе. Хлыновскіе сторожа, замѣтивъ приближеніе массы людей, какъ бы крадущихся у подошвы горы, подняли тревогу. Пробудившіеся въ страхѣ хлыновцы, принявъ движущуюся массу устюжанъ за черемисъ, тотчасъ же сдѣлали отчаянную вылазку; и въ темнотѣ ночи пошла потѣха... Устюжане, принявъ вятчанъ за татаръ, овладѣвшихъ уже г. Хлыновымъ, сразались храбро и стойко. Кровавый бой продолжался до самаго разсвѣта, при чемъ съ обѣихъ сторонъ пало въ битвѣ много людей. На утро, увидя своихъ враговъ въ русской одеждѣ, вятчане спросили ихъ, что они за люди. И когда изъ отвѣта узнали, что тѣ были устюжане, пришедшіе къ нимъ на помощь противъ общаго врага ихъ, татаръ, то крайне изумились. Оба случайные противника, распознавъ, при свѣтѣ, другъ друга, впали въ глубокую печаль, при видѣ умерщвленныхъ своихъ родственниковъ, друзей и единоплеменниковъ. Кажется, пора бы заключить и мировую между собою. Но не тутъ-то было. Обѣ стороны на столько были поражены происшедшимъ несчастіемъ, что потеряли здравомысліе. Они начали обвинять другъ друга въ предвѣренности и предумышленности. Пришлось защищать свою честь оружіемъ. И снова грянулъ бой между ними... Эта новая междоусобная битва прекратилась только тогда, когда ея стороны устюжанъ палъ ихъ предводитель Анфадъ съ сыномъ его Нестеромъ. Оба они были убиты народоначальникомъ Вятки Михаиломъ Разсохинымъ. «Сказываютъ, прибавляетъ Рычковъ, что съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ убито болѣе четырехъ тысячъ человекъ, которые всѣ погребены въ предмѣстѣ Хлынова, и нынѣшніе градскіе жители, въ память сего несчастнаго случая, отправляютъ ежегодно на томъ

мѣстѣ, при собраніи всего народа, „печальный поминокъ“¹⁾.

Надо сказать, что этотъ новый фактъ не оправдывается лѣтописными данными. Рычковъ, какъ видно, приурочиваетъ этотъ несчастный случай къ 1391 году, между тѣмъ какъ сообщеніе объ убійствѣ Анфала Разсохинымъ встрѣчается въ лѣтописяхъ между 1411—1421 годами, т. е. тогда, когда оправившаяся отъ погрома Бектута Вятка не нуждалась уже ни въ какой помощи устюжанъ²⁾. Изъ лѣтописей видно, что въ означенный 1391 г. устюжане и вятчане, вмѣсто раздора, сдѣлавшись икъ непримиримыми врагами, прекрасно ладили между собой. Въ отпущеніе за набѣгъ Бектута, они съ общаго согласія, предпринимаютъ походъ противъ татаръ. Отправившись вмѣстѣ на ушкуяхъ по р. Ваткѣ, они разоряютъ на Камѣ Жюкотинь и Казань (древнюю, стоявшую при Камѣ). Но зрясь удалые воины, не довольствуются; они выѣзжаютъ и на Волгу и тамъ грабятъ всѣхъ татарскихъ гостей, т. е. купцовъ, торговавшихъ съ татарами, и благополучно возвращаются домой³⁾. Но, вѣроятно, при дѣлежѣ добычи между устюжанами и вятчанами произошла крупная ссора, такъ какъ они съ того времени дѣлаются изъ друзей врагами и чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того взаимно начинаютъ нападать на земли другъ друга. Въ этой междуособной борьбѣ вятчане оказываются сильнѣе устюжанъ, потому что они пожигаютъ и грабятъ не мало устюжскихъ деревъ и городовъ. Когда Устюгъ подчинился Москвѣ, то вражда противъ него со стороны вятчанъ еще болѣе усилилась. При своихъ нападешяхъ они перестали щадить и самыя церкви.

Сообщаемый Рычковымъ фактъ весьма сомнительнаго

¹⁾ См. „Журналъ или дневныя записки путешествія“ Рычкова, изд. Ак. Наукъ, 1770—1772 г. Отрывки изъ этихъ записокъ напечатаны въ „Календарѣ Вят. губ.“ за 1893 г.

²⁾ Въ Рязан. лѣт. значится подъ 1411 г.: „Въ странѣ жь земли Вятской жители Анфалъ и сына его Нестера, нашедше ратью, Михаило Росохана съ товарищи губили 5000 челоуиъ“. Въ другихъ лѣтописяхъ въ томъ числѣ и Новгородской, подъ 1418 г. значится: „Анфалъ Нидитидъ, убиенъ бысть на Вяткѣ и сынъ его Нестерь отъ Михаила Разсохина юня въ 12 день“. Въ Вят. лѣт. событіе это значится подъ 1421 г.

³⁾ См. лѣтописи Соф., Тви. и Рязанцевскіи.

достоинства. Но его рассказъ, какъ произведеніе пера ученаго путешественника, тотчасъ же вносится, какъ истина, въ общераспространенный прежде «Словарь» Щенатова и дѣлается, такимъ образомъ, достояніемъ всѣхъ русскихъ читателей.

Вятскій ссыльный генералъ Хитрово увлекся этимъ рассказомъ Рычкова и захотѣлъ сдѣлать его еще инкантифе. Въ напечатанной имъ, въ 1826 г., въ «Трудахъ и запискахъ Общества Исторіи и Древностей» статья Хитрово далъ полную волю своей фантазіи. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Верещагинъ, Хитрово описываетъ поединокъ между вятчанами и устюжанами, какъ военный человѣкъ, въ стилѣ реляцій 1812 года. Хитрово вводитъ въ свой рассказъ и «военныя позиціи», и «возвышенныя прикрытія города», и «крыло арміи», и «маневры для смѣны караула», и «отрядъ для прикрытія движенія», и проч. Но собственно соль пересказа Хитрово заключается въ романической подкладкѣ, которую онъ придалъ своему сообщенію. Оказывается, что устюжане не просто пришли на помощь громимой татарами Вяткѣ, а къ этому побудили ихъ нѣкоторыя причины интимнаго свойства. Видите ли, устюжскій князекъ Несторъ, сынъ Анфала, былъ пламенно влюбленъ въ дочь начальника Вятскаго удѣла Расахатина(?), прекрасную Евдокію. Плающей страстью молодой человѣкъ уговорилъ своего отца помочь вятчанамъ, въ надеждѣ, что отецъ его, увидя Евдокію, одобритъ выборъ его сердца. «Но судьба — повѣствуетъ Хитрово — положила предѣлъ сей любви плачевною смертію родителя и сына. Прекрасная Евдокія, узнавши о смерти своего любезнаго и объ опасностяхъ, коимъ онъ подвергся для вспоможенія своимъ, предалась жесточайшему отчаянію, и даже полагаютъ, что она приняла ядъ, ибо умерла спустя нѣсколько дней послѣ сего сраженія. Она предъ смертію просила, чтобы похоронили ее вмѣстѣ съ любезнымъ и отцомъ его, но было невозможно исполнить сію просьбу, ибо устюжцы тѣла своихъ князей увезли съ собою».

Въ рассказѣ Хитрово романъ, какъ видите, вышелъ хотъ

куда, и даже съ трагическою развязкою. Нѣтъ сомнѣнія, что Хитрово читался вдоволь забористыхъ романовъ, въ родѣ «Битва Русскихъ съ Кабардинцами». Его Евдокія, какъ и прекрасная магометанка, также умираетъ на гробѣ своего... не мужа, а только жениха.

Кромѣ того, Хитрово соединяетъ печальныя поминки о несчастныхъ, погибшихъ въ междуусобной войнѣ вятчанъ съ устюжанами, съ «свистоцляскою», особымъ народнымъ торжествомъ, отправляемымъ въ Вяткѣ въ четвертую субботу послѣ Пасхи. Въ этотъ день жители Вятки, по разсказу Хитрово, помолившись утромъ у деревянной часовни за усопшихъ, посвящаютъ весь день прогулкѣ и увеселеніямъ. Народъ собирается на городскихъ валахъ и, запасшись свистками, дѣлаетъ день свистить, бросаетъ съ вала въ ровъ глиняныя шарики и продаетъ, якобы въ честь вдовъ, оставшихся послѣ сраженія, глиняныя куклы, расписанныя разными красками и раззолоченныя.

Изъ того, что въ этотъ день народъ дѣлаетъ свистить и гудить, прямо уже явствуетъ, что это какое-то торжество, а вѣданы уже не поминки или воспоминанія о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ между устюжанами и вятчанами. По моему предположенію, вятская «свистоцляска» есть какой-то остатокъ времени язычества, сохранившійся въ Вяткѣ. На мой взглядъ, эта свистоцляска имѣетъ близкое соотношеніе съ народнымъ веселіемъ, правднуемымъ въ послѣдній четвергъ предъ Троицынымъ днемъ. Какъ извѣстно, семикъ или «зеленныя святки» отправлялся и въ самой Москвѣ, въ прошлое столѣтіе, съ большимъ торжествомъ. На первомъ планѣ и тогда было гудѣніе съ бубнами, бала-лайками, сквородами и прочими ухорѣжущими музыкальными орудіями ¹⁾. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ не веселиться и не гудѣть, когда въ это время, по языческимъ понятіямъ, господинъ Честной Семикъ, зеленныя святки, вступалъ въ бракъ съ Честною Масленицею, что, по всей вѣроятности, символизировало объединеніе лѣта съ зимою, лѣтнихъ поле-

¹⁾ См. книгу «Старая Москва и русск. народа», С. М. Любецкаго.

выхъ работъ съ якими домашними. Если въ семикъ вос-
поминалась свадьба, то въ свистопляску, вѣроятно, начало
ей—рукобитье. Въ русскомъ народѣ сохранилась поудка-
прибаутка о томъ, какъ господинъ Семикъ «ластится» къ
своей веселой невѣстѣ, прекрасной Масленицѣ: «Душа моя
Масленица, перепелиныя косточки, бумажное твоё лицо, са-
харныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная твоя коса,
тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка,
трехматерина дочка, веточка, ясенка, ты же моя переде-
лочка»¹⁾.

Оставовивъ вниманіе читателя на мѣстномъ народномъ
праздникѣ, исключительно вятскомъ, имѣющемъ этнографиче-
ское значеніе, я перехожу къ дальнѣйшимъ сообщеніямъ.
Въ этой главѣ сообщенія будутъ касаться результатовъ
указанныхъ выше двухъ статей. Съ легкой руки Рыкова и
Хитрово невѣроятный ихъ рассказъ о непознаніи вятчанами
и устюжанами другъ друга цитируется уже, какъ доставер-
ный, у серьезныхъ писателей, именно: названъ профессора
Баженова, Дятлева, Салтыкова-Щедрина, Максимова и, что
всего удивительнѣе, попадаетъ, для поучительности дѣтямъ,
въ педагогическій журналъ «Семья и Школа»²⁾.
Сожалѣя о заимствованіи писателями подобной недѣ-
лицы, мѣстный историкъ г. Верещагинъ говоритъ: «И ни
у одного изъ этихъ авторовъ не встрѣчается рѣшительнаго
сомнѣнія въ вѣрности самаго событія—набѣденія ночью, по
однимъ—4000, по другимъ—9000, не узнавшихъ, будто бы,
другъ друга устюжанъ и вятчанъ»³⁾.

¹⁾ См. Описаніе лубочныхъ картикъ Русск. народа, И. М. Снегирева.

²⁾ См. Отрывки изъ «записокъ» Рыкова и Хитрово о древней Вяткѣ,
съ замѣткой въ нихъ А. С. Верещагина, напечатаны въ «Вѣстникѣ» Вятк. губ. на 1893 г.

ХИ.

Течение многоводной Камы.—Встрѣчающійся цѣлый оазисъ костеносныхъ городищъ.—Окружающіе ихъ вала.—Разнообразныя находки костяныхъ изделий.—Орнаменты вещей.—Индолія: шты бронзы и шпиди.—Гончарныя изделия.—Принадлежность костеносныхъ городищъ древнему народу.—Чѣмъ онъ занимался.—Гдѣ встрѣчаются его родичи.—Предполагаемый обычай хороненія покойниковъ.—Находки предметовъ каменнаго вѣка.—Святой колодець.—Могила болгарскаго князя.—Предположеніе о имени его.—Собалево и Чезны, ископающія Себедуля и Недмату.—Упоминаніе о нихъ въ летописяхъ.—Гдѣ они, по нѣсколькимъ, собственно жили.

Скававъ по Вятскомъ краѣ, мы спускаемся по р. Вяткѣ на Каму и будемъ слѣдовать по прежнему пути, идя вверхъ противъ теченія послѣдней изъ рѣкъ, соединяющихся съ нею.

Отсутствіе воды послѣдней почти на сколько, не уменьшаетъ и не суживаетъ ширины Камы, которая несетъ такую же многоводную, широкую, полосу, въ пятьсотъ сажень; такъ же послѣ впаденія въ нее Вятки. Зато потеря притоковъ Ика, Ижа и Бѣлой постепенно суживаетъ ее, а потеря Чусовой дѣлаетъ ее уже мелководною рѣкою.

Какъ при устьѣ Вятки, такъ и не подалеку отъ этого, встрѣчаются на правомъ берегу Камы городища; несомнѣнно болѣе древнія, чѣмъ болгарскія. Эти городища находятся близъ деревни Прахаль, близъ селъ Котловки и Овинныхъ Горь. Первое изъ нихъ, при устьѣ Вятки, называлось, какъ надо думать, для наблюденія за этой рѣкой. Ни свѣдѣній видныхъ, ни находками Греханское городище не замѣчательно. Своею монотоннообразною формою и находками выдаются Котловскія городища. Ихъ два. Одно изъ нихъ занимаетъ вершину замѣчательной по высотѣ и оригинальному виду тѣмъ называемой «Котловской шпиди». Это городище защищено въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькими валами, изъ коихъ главный, ограждающій площадку, со стороны поля, массивенъ и имѣеть 90 сажень длины. Другое городище расположено на мысу, межъ двумя оврагами, близъ сл. Котловки; на городищѣ этомъ есть только два небольшихъ вала.

Всѣ эти четыре городища принято называть костеносными, по изобилію находимыхъ на нихъ костей различныхъ

животныхъ и по находкамъ издѣлій изъ кости. Изъ находокъ этихъ вещей встрѣчаются слѣдующія: большіе костяные ножи изъ острыхъ, широкихъ и длинныхъ реберъ съ головкой въ видѣ ручки, наконечники для стрѣлъ, круглые наконечники для боевыхъ молотовъ. Изъ предметовъ домашняго быта встрѣчаются: костяныя ложки, вилки, гребни, вязальныя иглы, шила, уды, игрушки, костяныя бусы. Орудіями промысла служатъ удочки, остроги, маленькіе ножички для снятия, вѣроятно, шкуръ, разнообразныя лопаточки для отдѣленія мездры отъ кожи, водочиги для штепленія лаптей. Всѣ эти вещи сдѣланы изъ кости искусно, иногда даже художественно. На нѣкоторыхъ предметахъ, особенно на ручкахъ ножей, на лопаточкахъ, гребняхъ, удочкахъ, встрѣчаются изваянія фигуръ и головокъ различныхъ животныхъ: лоса, медвѣдя, лисицы, кабана, свиныя, лошади, изрѣдка изображенія дракона и другихъ фантастическихъ животныхъ.

Глиняныя, каменные вещицы, равно желѣзные предметы на костяныхъ городищахъ встрѣчаются очень мало. Но подѣлокъ изъ бронзы и мѣди найдено больше. Таковы: кельты, двуперыя стрѣлы, иглы, кольца и разныя украшения. Большую важность, для указанія на самостоятельное литье металлическихъ надѣлій, имѣютъ найденныя тигли и разнообразныя формы для отливки. Къ гончарнымъ издѣліямъ принадлежатъ горшки или сосуды разнообразной формы и величины. Есть котловидныя, съ круглымъ дномъ и широкимъ зѣвомъ. Цѣльныхъ сосудовъ не сохранилось, но по крупнымъ осколкамъ можно легко восстановить форму сосуда. Черепки сѣраго цвѣта, съ равновѣсною примѣсью, тверды какъ камень и при ударѣ издаютъ звонъ. На крупныхъ сосудахъ орнаментовъ нѣтъ, но на малыхъ и среднихъ они встрѣчаются или въ видѣ зубчатыхъ, или въ видѣ веревчатыхъ линий, расположенныхъ то труппамъ, то вкось, а чаще всего вокругъ зѣва.

Какому народу принадлежатъ эти костяныя городища—неизвѣстно. Отсутствие монетъ на городищахъ указы-

васть, что этотъ народъ былъ древній, который, однако, приручилъ себѣ и сдѣлалъ домашними животными лошадь, корову, барана и собаку. Видимо, онъ велъ пастушескій образъ жизни, занимаясь также рыбною и звѣриною ловлею; предметы первой необходимости онъ дѣлалъ самъ; изукрашенія на вещахъ изобличаютъ въ народѣ довольно развитый вкусъ въ изящному. Этотъ народъ не былъ уже ни во-таками, ни черемисами, ни даже булгарами, у которыхъ вещи отличаются пестротою восточнаго типа. А по своимъ обычаямъ и культурѣ жители костеносныхъ городищъ не сходствуютъ и съ современными Анавинскому могильнику жителями¹⁾. Родичей костеносныхъ городищъ надо искать въ Сибири, по р.р. Томи, Иртышу, и отчасти въ Пермской губерніи, гдѣ встрѣчаются сходныя съ этими городища. П. А. Пономаревъ относитъ костеносныя городища къ I—IX вѣку по Р. Х. По его предположенію, населявшее эти городища племя хоронило не трупы покойниковъ, а только кости ихъ. Г. Спицинъ полагаетъ, что костеносныя городища имѣли почти исключительно религіозное значеніе²⁾.

Предметы каменнаго вѣка, какъ-то: долота изъ кремня и опокы, каменные молоты, песчанниковые топоры, иногда обоюдоострые, топоры-клинья изъ яшмы, каменные стрѣлы, копья, скребки и проч., встрѣчаются уже выше по Камѣ, начиная съ с. Танайки и доходя до верховьевъ Камы. Эти орудія встрѣчаются не гнѣздами, въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, а въ разброску³⁾.

Поднимаясь выше къ городу Елабугѣ, въ 17 верстахъ отъ нея, можно встрѣтить на лѣвомъ берегу мѣсто, называемое «Святой колодець». Теперь оно занято дачами и пристанью елабужскаго купца Стахѣва. Но я посѣтилъ это

¹⁾ Объ Анавинскомъ могильникѣ какъ новомъ памятникѣ глубокой старины, сказано будетъ мною подробно впоследствии.

²⁾ См. брошюру Спицина: „Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края“. Издан. Вятск. Статистич. Комитета.

³⁾ Первымъ собирателемъ каменныхъ орудій въ вѣдѣнной мѣстности былъ археологъ Держъ.

мѣсто, когда здѣсь не только не было поселенія, но и не встрѣчалось ни одного дома. Мѣсто лѣсное; на берегу устроенъ колодець съ родниковой водой и часовней, при которой находилась сторожка. Этотъ колодець и называется святымъ; но собственно санкционировать это мѣсто не имѣлось никакихъ основаній. По крайней мѣрѣ, среди мѣстныхъ русскихъ жителей нѣтъ ни одного разсказа, почему это мѣсто называется святымъ. Зато магометане имѣли болѣе права считать это мѣсто святыней; такъ какъ, по преданію татаръ, здѣсь находилась могила Булгарскаго имама святой жизни. Камень съ арабской надписью надъ его могилою невѣдомо куда и когда исчезъ, и самая могила уничтожена. Имя этого имама татары не знаютъ или не хотятъ сказать. Не могила ли это шейха Амшма-каджи, которую по мѣтописи Товарища Булгаріе, посѣтилъ въ числѣ другихъ канъ Тимуръ или грозный Тажерлянъ? Авторъ мѣтописи Хишати-Эддинъ Булгаріе¹⁾ указывалъ, что могила эта находилась близъ Елабуги, въ аулѣ Бай-Джуръ-Черемши. Аула этого теперь не существуетъ, но слово Черемши указываетъ, что этотъ аулъ стоялъ по направленію къ р. Черемшанѣ, т. е. южнѣ Елабуги, какъ это на самомъ дѣлѣ и выводитъ мѣтописецъ. Эта могила, равно какъ и Чортово Городище, о которомъ будетъ рѣчь впереди, указываютъ, вопреки мѣтнію г. Шпилевскаго, что и на сихъ мѣстахъ жили болгары. Идущія по лѣвому берегу села Собалеково (противъ Елабуги) и Челны (выше ея) напоминаютъ мнѣ своимъ озвучіемъ болгарскихъ Собекулянъ и Челмату, о которыхъ упоминается въ русскихъ мѣтописяхъ. Приведу это мѣсто: «Иде на Болгары князь великій Всеволодъ Юрьевичъ со многими князи и множествомъ полковъ и придоша въ землю болгарскую къ великому граду Серебряныхъ болгаръ». (Городъ этотъ, по моему мѣтнію, на Камѣ, а не на Волгѣ, какъ думаетъ г. Шпилевскій). При этомъ «овольніи городъ болгарскій Собекуляне и Челмата, совокупившися въ 5 тысящахъ, идоша на насады рускіе... И поможе Богъ Руси и побѣдиша болгары.

¹⁾ Мусульманскій миссіонеръ, жившій въ XVI в.

Всеволоды же стоя около города десять дней, а болгары вы-
сылаху къ нему съ чалобитвемъ и смирихся съ ними: (т. е.
заключивъ миръ), поиде... въ лодіяхъ къ Володимерю...
Впротѣмъ, какъ утверждаетъ г. Шилевскій, Собекуляче и
Челмата жили ниже, именно въ предѣлахъ Липовскаго
и Мамадышскаго (близъ устья Вятки) уѣздовъ. Будемъ
этому вѣрить.

ХІІІ.

Село Танайка.—Старинное названіе этого села, кому оно принадлежало.—Ми-
тежине, танаевцы.—Три священника, исполнившіе полицейскую роль.—Песа-
женный въ кудь пугачевскій полковникъ.—Истязаніе священниковъ.—Выкупъ
ихъ изъ плѣна пугачевцевъ.—Подвигъ, или трусость?—Роль духовенства въ
эпоху пугачевщины.—Грамота вятскаго епископа.—Мартирологъ замученнаго
пугачевцами духовенства.—Расправа съ пугачевцами.—Танаевскій временный
оврагъ.—Павъ и мурднческая, по преданію, коняна, одного изъ защитни-
ковъ престола и отечества.

Въ семи верстахъ отъ Елабуги, на лѣвои сторонѣ праваго
берега Камы, стоитъ видимое съ парохода село Танаевское
или, какъ принято его называть, Танайка. Это село обра-
зовалось изъ деревни Таны, принадлежавшей некогда Тро-
ницкому монастырю Казанскаго городища, что на Елабугѣ.
Такъ писался этотъ монастырь, основанный на Чуртовой
горѣ. Въ этомъ селѣ находится оврагъ, который былъ выко-
панъ прежде человеческими руками. Разливомъ рѣчки Та-
найки отмывалось и сейчасъ оставшіяся еще въ землѣ ко-
сти. Читателю не безинтересно будетъ познакомиться съ со-
бытіями, вызванными этимъ оврагомъ.

Оврагъ этотъ напоминаетъ собою смутную эпоху
пугачевщины. Изъ всѣхъ обружающихъ Елабугу сель та-
наевцы были болѣе дружны и склонны къ смутѣ. Клеветы
Пугачева и первене его застрѣльщикъ, прыскавшій по
Прикамью, еще до подхода его, наши здѣсь удобную
почву для водворенія мятежа. Въ то время, когда Ела-
буга (прежнее село Трехсвятское) и другія села со страхомъ

*) См. „Полное собраніе русскихъ летописей“.

ожидали появленія самозванца, въ Танайкѣ уже много было сторонниковъ бунтовщика. Увлеченные ласковыми обѣщаніями пугачевцевъ, они начали вмѣстѣ съ ними рыскать по сосѣднимъ селеніямъ, требуя съ угрозами признанія Пугачева за императора Петра III.

Въ самомъ селѣ оставались тѣ изъ крестьянъ, которые колебались и стояли на порогѣ нерѣшимости—признавать ли самозванца государемъ. Для невѣжественныхъ жителей вѣская и убѣдительная рѣчь могла быть полезною и образумить ихъ. Какъ разъ въ эту удобную минуту колебаній пріѣзжаютъ въ Танайку изъ Елабуги три священника: Александровъ, Троянскій и Романовъ. Жители изъ любопытства окружаютъ ихъ съ цѣлю послушать, что скажутъ пріѣзжіе пастыри. Но они пріѣхали сюда вовсе не для назиданія и увѣщаній. Всѣ они трое опасливо озираются по сторонамъ и видимо бережно охраняютъ кулъ, который они везутъ съ собою. Ужъ не сокровища ли какія спрятаны въ этомъ кулѣ? Къ необычному изумленію танаевцевъ, строго оберегаемый кулъ, какъ бы волшебный, заговорилъ самъ собою. Изъ куля послышался голосъ человѣка, зывающаго о помощи. Моментально крестьяне выхватили кулъ и развязали его. Изъ куля выгѣзъ человѣкъ, стриженный въ кружокъ, по казацки. Освобожденный назвалъ себя полковникомъ государя Петра Федоровича.

Дѣло было такъ. Заслышаго передовыхъ полчищахъ Пугачева, подходившихъ къ Елабугѣ, одинъ изъ ея жителей, пьяница Бурмистровъ, отправился въ станъ Пугачева и призналъ его своимъ государемъ. Воръ удостоилъ его цѣлованія своей руки и за обѣщаніе смутить елабужанъ пожаловалъ его въ полковники. Возвратившись въ Елабугу, захудалый посадецъ началъ распространять вредные слухи, смущающіе жителей. Три означенные священника схватили пропагандиста и развратителя, связали его, посадили въ кулъ и лично повезли его въ Казань для преданія властямъ. Въ Танайкѣ, гдѣ они проѣздомъ остановились, имъ пришлось жестоко поплатиться за арестъ пугачевского полковника.

Бурмистровъ, попалъ въ среду колеблющихся жителей, успѣлъ скоро привлечь на свою сторону танаевцевъ. Не-соотвѣтственная священникамъ полицейская роль лишила ихъ способствъ въ оправданію. Рѣчи Бурмистрова возбудили ярость противъ священниковъ. Ихъ начали бить, топтать ногами и, волоча по землѣ, таскать за волосы. Въ дикомъ порывѣ натѣшившись надъ священниками, танаевцы не оставились и пошли далѣе. Они хотѣли посадить священниковъ въ кули и бросить въ Каму. Только по настоянію нѣкоторыхъ стариковъ, бывшихъ законной отвѣтственности, ихъ не утопили въ рѣкѣ, а отправили на судъ самого Пугачева. Въ провожатые назначенъ былъ вмѣстѣ съ другими Бурмистровъ. И издѣвался же во время дороги этотъ злодѣй надъ беззащитными священниками! Избитыхъ, изранныхъ, измученныхъ физически и нравственно священниковъ привезли въ становище пугачевцевъ, которые въ это время осаждали укрѣпленіе Ногайбакъ. Начальникъ укрѣпленія Новиковъ, услышавъ о горестномъ положеніи духовныхъ лицъ, принималъ въ нихъ участіе. Не имѣя возможности силою выручить ихъ, онъ попробовалъ выкупить ихъ изъ плѣна. За протопона Александрова заплачено было 200 руб., а за священниковъ по 100 руб. ассигн. Часть этихъ денегъ возвращена была впоследствии елабужанами, а другая уплачена казною. Домой возвратились священники искалѣченные и совсѣмъ больные.

Составитель «Исторіи Елабуги» И. В. Шишкинъ усматриваетъ въ поступкѣ этихъ духовныхъ лицъ великій гражданскій подвигъ, совершенный на защиту престола. При всемъ моемъ сочувствіи къ пострадавшимъ, я позволяю себѣ не согласиться съ подобнымъ заключеніемъ. Священники, прежде всего, въ смутную пору должны оставаться при своей паствѣ. Не ихъ дѣло хватать, вязать злодѣевъ и отвозить ихъ для преданія властямъ, составляя собою для схваченныхъ конвой. Ихъ дѣло убѣдить словомъ общество въ принятіи той или другой мѣры, кажущейся имъ благодѣтельной или полезною. Прикамскій край, несомнѣнно, былъ въ

это время объять смуту Пугачева. Из Елабуги уже привезла пайка пугачевцев во сто человек, требуя с угрозами от жителей присяги самозванцу, на что те отвѣтили имъ отказомъ. Съ такимъ отвѣтомъ и отвѣхали перемыштръ и воеводы Пугачева, не отваживаясь съ малыми силами напасть на укрепленную Елабугу. Дѣло пастырей было поддерживать въ жителяхъ патристическія чувства, а они, точно испугавшись подобной смѣлости пастыи своей, покидаютъ ее и, схвативъ собственноручно одного изъ агентовъ Пугачева, втроемъ конвоируютъ его до Казани. Не было ли скорѣе въ дѣлахъ этихъ священниковъ по добру по здорову убраться, подъ благовиднымъ предлогомъ, изъ смутнаго края подъ защиту крѣпкой Казани. На мой взглядъ, поступокъ трехъ священниковъ слишкомъ сомнительнаго достоинства и скорѣе обнаруживаетъ въ нихъ постыдную трусость. По моему мнѣнію, четвертый священникъ, о. Замытинъ, поступилъ достойнѣе ихъ. Онъ имѣлъ мужество остаться въ Елабугѣ и раздѣлить съ своею паствою тяжелыя минуты ожиданія встрѣчи самозванца. Въ большой укоръ ему нельзя поставить встрѣчу Пугачева съ крестомъ и иконою (подобная почестъ не возбуждаетъ, а скорѣе утѣляетъ разбойниковъ, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ); ибо втакой почетъ могъ не спасти самого священника. Самъ Пастинъ, усмирившій бунтъ Пугачева и прибѣгавшій къ жестокому мѣрамъ по отношенію къ не только измѣнчившимъ присягѣ, но и ставшимъ въ ряды самозванца, ходатайствовалъ предъ синодомъ за духовенство, чтобы не отрѣшали отъ должностей священниковъ, принимавшихъ съ вынужденной почестью самозванца¹⁾.

Изъ чести духовенства надо сказать, что часть его исполнила въ эпоху Пугачевщины свое высокое назначеніе

¹⁾ Однако, подобное ходатайство не имѣло большаго успѣха: нѣкоторыхъ священниковъ не только отрѣшали отъ должностей, лишили сана, но и жестоко наказывали. Такъ, напр., извѣстно, что сарапульскаго протоіерея Якова Шапанговскаго, который выходилъ встрѣчать Пугачева съ иконами и колокольнымъ звономъ, вытребовали въ Казанскую секретную комиссію, лишили сана, наказали кнутомъ и сослали къ Оренбургу на казенныя работы.

достойнымъ образомъ. Мѣстные іерархи сильно озабочены были разгаромъ бунта. Вятскій епископъ Варсоломей разослалъ увѣщательную грамоту народу, чтобъ онъ не обольщался измѣною и клятвопреступленіемъ самозванца Пугачева, не присоединялся къ его полчищамъ и хранилъ вѣрность данной присягѣ Государынѣ, не щадя при этомъ и живота своего ¹⁾. Духовныя лица, застигнутыя на мѣстахъ

¹⁾ Весьма характерна и внушительна увѣщательная грамота вятскаго и великопермскаго епископа Варсоломея, разосланная по его епархіи. Въ первой части этой грамоты преосвященный извѣщаетъ свою паству о появленіи, неподалеку отъ его епархіи, извѣстнаго уже ей по слухамъ донскаго казака и раскольника Емельяна Пугачева, который „Бога не боится и людей не страшится, дерзнулъ ложно и противу сожженной совѣсти своей принять на себя имя бывшаго Императора Петра III, кончина котораго давно уже извѣстна не только Россіи, но и всему свѣту“. Въ рѣзкомъ обрисованіи личности самозванца выразилось полное негодованіе вятскаго архіерея. Пугачевъ — „явный врагъ и нарушитель всеобщаго спокойствія и тишины и явный клятвопреступникъ“. Это „злѣйшій извергъ рода человеческого, лютой извергъ и всеядобный расколѣникъ“, приобѣгающій къ такимъ мѣрамъ, какъ „свѣдающій плоти единоувѣрныхъ нашихъ и кожи до костей обдирающій“. „Своимъ бѣснованіемъ и коварнымъ прельщеніемъ уловляя въ сѣть свою душепагубную и приводя въ развратъ благосмысленныхъ людей, льстець оный, лжеименный Петръ, не мало помядебаль благосостояніе и тишину нашего отечества, внеся раздоръ и несогласіе между російскимъ народомъ и разорвавъ многихъ союзъ вѣрности своей законной Самодержицѣ“ (Екатеринѣ II). Шайка Пугачева состоитъ „изъ легковѣрныхъ и непросвященныхъ и такихъ же, каковыя онъ самъ, океанникъ сумасбродовъ, бѣлешовъ, воровъ и бродягъ“. Самозванецъ „какъ зміи ещѣ апокалиптической, хоботомъ своимъ отторгнувъ отъ законнаго повиновенія небольшую часть людей“. Всѣмъ этимъ онъ „подверже (обрекъ) себе и своимъ проклятыхъ и богоненавистныхъ сообщниковъ страшному Божіему и высочайшему суду и гнѣву“. Во второй части грамоты заключается самое увѣщаніе. Здѣсь ясно видна уже работа пастыря церкви о благѣ отечества и своихъ пасомыхъ. Онъ умоляетъ своихъ возлюбленныхъ о Христѣ чадъ не поддаваться злому и происходимоу смутю. Напомнивъ имъ о данной клятвенной присягѣ Государынѣ, онъ указываетъ, что теперь именно настало время показать достойные плоды этой присяги, засвидѣтельствовать вѣрность Государынѣ, доказать не словомъ, но и самымъ дѣломъ, что они истинные сыны російскіе и вѣрно-подданные. Въ умоляющемъ тонѣ епископа Варсоломея слышится уже богъ настоящаго духа-агостольства. „Молю и богомрадычески прошу: не присоединяйтеся въ вѣчныя роды проклятаго самозванца богопротивному сброду, ниже будите ещѣ трость вѣтромъ колеблемая, но стойте твердо и непоколебимо и будите вѣрны, до смерти своей, законной Государынѣ“. Дальше онъ указываетъ, что теперь каждый вѣрноподанный долженъ вспомнить и размыслить о клятвенной присягѣ, которая налагаетъ долгъ не щадить за имя, за честь и

нашествіями Пугачева и его сообщниковъ, замѣтно, не были безмолвными зрителями совершающихся на ихъ глазахъ беззаконій и проявили твердость духа, если не обличеніями, то заступничествомъ, ибо не мало погибло духовенства отъ руки мятежниковъ. Мартирологъ духовенства полонъ количествомъ замученныхъ жертвъ. Священниковъ умерщвлено пугачевцами 99 человекъ, діаконовъ 19, дьячковъ и пономарей 30,—всего же 148 человекъ ¹⁾. Такая преданность престолу, засвидѣтельствованная ихъ кровію, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашего духовенства.

Возвращаюсь къ мятежнымъ танаевцамъ. Кара законной власти постигла ихъ ранѣе, чѣмъ явился въ Елабугу Пугачевъ. Въ Елабугу присланъ былъ маіоръ Пермскій съ полуротою солдатъ (100 ч.) и съ пушкою. Маіоръ на мѣстѣ убѣдился, что смута, начавшаяся въ Танайкѣ, успѣла уже охватить многія селенія Прикамскаго края. Разъ выбившіеся изъ колеи танаевцы соединились съ татарами и башкирами и перешли вмѣстѣ съ другими пугачевцами въ наступательное положеніе. Съ трудомъ выдержавъ нѣскольکو приступовъ на Елабугу, Пермскій просилъ о подкрѣплениі. По его просьбѣ прибыли изъ за Камы четыреста гусаръ на помощь ему. И вотъ тогда-то пошла расправа съ

превысочайшую особу Государыни и самаго дражайшаго живота своего. Нарушеніе вѣрности и клятвопреступленія повлечетъ за собою вѣчное проклятiе перлви и грозное осужденіе Христа Бога при второми Его пришествіи; вѣрность же Государынѣ и отечеству ниведетъ благословеніе Божіе на нихъ самихъ и на ихъ потомковъ и привлечетъ милость и матернюю любовь всемилоудивѣйшей Государыни. „О семъ твердо увѣряю вѣхъ васъ, словеснаго стада Христова овцы, пастырь и отецъ вашъ Варсоломей, епископъ вятскій и великопермскій, просить и молить Господемъ Нашимъ Іисусъ Христомъ, аминь. 1778 г. декабря“. Нѣтъ сомнѣнія, что такая грамота, если она была прочитана въ церквахъ, имѣла вліяніе на благочестивыхъ прихожанъ. Извлеченіе сдѣлано мною изъ приведенной въ подлинникъ этой грамоты въ статьѣ „Материалы для исторіи Вятской епархіи“, протоіерея В. Огнева.

Число жертвъ духовенства исчислено мною по официальному отчету, приложенному къ „Исторіи Пугач. бунта“ Пушкина.—У Вантышъ-Камовскаго число умерщвленнаго Пугачевымъ духовенства исчисляется такъ: 53 священника и 86 діаконовъ и причетниковъ.

рыскавшими кругомъ Елабуги пугачевцами! Главное гнѣздо ихъ находилось въ с. Танайкѣ, и вотъ сюда-то Пермскій направилъ впервые свои войска. При приближеніи ихъ, пугачевцы разбѣжались и попрятались. Ихъ находили въ домахъ, погребахъ, логгахъ, овинахъ и умерщвляли, какъ мятежниковъ. Трупы убитыхъ брошены были въ оврагъ и засыпаны землею. Этотъ кровавый оврагъ и доселѣ существуетъ въ Танайкѣ.

Разбивъ шайки пугачевцевъ въ другихъ селеніяхъ, возвративъ жителямъ ограбленное ими имущество, войско сочло, вѣроятно, край усмирненнымъ. Они направились въ Оренбургскій край, гдѣ пламя мятежа было въ полномъ разгарѣ. Гусары пошли на соединеніе съ полкомъ Михельсона, а Пермскій направился въ Башкирію. Въ 150 верстахъ Пермскій окруженъ былъ полчищами Пугачева и захваченъ былъ въ плѣнъ. Существуетъ преданіе, что съ Пермскаго, отказавшагося присягнуть самозванцу, пугачевцы содрали съ живого кожу.

Во время прибытія Пугачева въ Елабугу, городъ или укрѣпленное село Трехсвятское предоставлено было самому себѣ, на произволь судьбы.

Этимъ я пока и заканчиваю первую половину своей статьи.

В. Ф. Жудрявцевъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
3	10 сверху	поколѣніямъ	покореніемъ.
13	3 снизу	Спултеръ	Стритеръ.
15	6 снизу	Исамахіи	Шамахіи.
19	8 сверху	уговоръ	договоръ.
38	1 снизу	при Василии III	при Василии II.
42	17 снизу	Василій III Ива- новичъ	Василій II Ва- сильвичъ.
44	15 сверху	одна	одну.
53	3 снизу	какъ же могло слу- читься, что	какъ же можно допустить, чтобъ
54	10 сверху	воинами	волнами
67	1 снизу	Рязанцевскую	Рязанскую.
74	16 сверху	Хишатъ	Хишамъ

